

С.Г. КАРА-МУРЗА

В.В. ПАТОКОВ

**РОССИЯ: ТОЧКА 2010,
ОБРАЗ БУДУЩЕГО
И ПУТЬ К НЕМУ**

Москва
2010

УДК 338.124.4
ББК 65.9(2Рос)-97
К21

К21 Кара-Мурза С.Г., Патоков В.В. Россия: точка 2010, образ будущего и путь к нему. – М.: «Общественный диалог» – 116 с.

© Кара-Мурза С.Г., Патоков В.В., 2010

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Сергей Георгиевич КАРА-МУРЗА
Владимир Владимирович ПАТОКОВ

РОССИЯ: ТОЧКА 2010, ОБРАЗ БУДУЩЕГО И ПУТЬ К НЕМУ

Подписано в печать 25.12.2009 г. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,25. Заказ . Тираж 100 экз.

Отпечатано ЗАО «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Ивовая 2. Тел. (499) 180-9305

Вступительное слово

Книга С.Г. Кара-Мурзы и В.В. Патокова, дает емкий анализ положения современной России и предлагает конкретные решения по его улучшению, а также выгодно отличается своим научным и профессиональным подходом от скороспелых рецептов, навязываемых обществу под видом современной экономической и политической мысли определенными элитами, которые, похоже, не всегда осознают действительной глубины и тяжести стоящих перед Россией и миром проблем.

Мы стоим на пороге системного кризиса глобального масштаба. XXI век будет началом нового мира, возвращением к переделу земли, воды, человеческих ресурсов, борьбы за простое право жить, существовать и дышать воздухом. Россия подошла к этому переделу на правах слабого. Кризис, подобный тому, в начале которого мы находимся, заканчивается либо качественной трансформацией общества в кардинально новое системное состояние, либо полной ликвидацией старой системы и расчисткой жизненного пространства.

Финансовый и экономический кризис, наблюдаемый сейчас, является только предтечей той бури, которая разыграется в очень скором времени и в странах «Золотого миллиарда». Кризис не только проверит мощь их экономик, но и жизнеспособность самой модели мироустройства. Процессы, начавшиеся в 2008 году, будут лавинообразно нарастать. Россия же в нынешнем её состоянии представляет собой легкодоступный для «мировых хищников» трофей.

В системе координат Запада, Россия – неконкурентоспособная страна, населенная неконкурентоспособным избыточным населением. Мы производим всего 1% глобального мирового продукта, но при этом владеем 10% природных богатств. Нынешняя «переходная» экономика России не обеспечивает долгосрочного существования страны. Она носит компрадорский характер, основанный на распродаже ресурсов и отсечении от доступа к этим ресурсам огромной массы населения.

Россия стоит перед выбором – либо отказаться от статуса цивилизации и встроиться в периферию нового мирового порядка, либо подняться до уровня одного из мировых цивилизационных центров. Книга С.Г. Кара-Мурзы и В.В. Патокова предлагает контуры проекта восстановления и будет полезна мыслящим людям России.

Член экспертного Совета комитета Государственной Думы Российской Федерации по безопасности,
Президент «Общественного диалога»

Т.Ю. Булах

ВВЕДЕНИЕ

Цель данной работы – представить, какой вид примет хозяйственная система России, если к власти придет и осуществит свой среднесрочный проект «правительство патриотов». Это – условное название, не определяющее «цвета знамени» режима. Речь идет о режиме, который сможет изменить намеченный курс, ведущий (быстрее или медленнее) к полной потере Россией ее экономической и политической самостоятельности. На символическом языке такого «правительства патриотов» заговорил В.В. Путин.

Поскольку угасание России в случае продолжения реформ, согласно доктрине «Гайдара-Чубайса», стало бы уже неизбежным, и поскольку верховная власть в ее нынешнем формате и в рамках ее фундаментальной доктрины, видимо, не в состоянии принципиально сменить курс, речь идет об изменении образа хозяйствования, которое может произойти лишь в результате глубокой трансформации правящего режима. Наш абстрактный анализ исходит из предположения, что эта трансформация не только возможна, но и произошла. Она не только возможна, но и произойдет почти неизбежно.

Уточним: речь идет о том проекте, который возможен, только если «правительство патриотов» придет к власти *до* национальной социально-технологической катастрофы. При лавинообразной катастрофе все проекты, задуманные «из времени статичных процессов», теряют актуальность. Возникает новая система.

Катастрофа эта видится в смутных образах – как глубокий паралич хозяйства в крупных регионах, обеднение массы населения ниже критического уровня, острая нехватка продовольствия и голод, отказ крупных систем жизнеобеспечения, взрывы насилия и очаговая гражданская война. Эти бедствия в такой степени сужают коридор возможностей, что думать о том, как правительство поведет себя *после* катастрофы, нет нужды – выбора почти не будет. Выходом из хаоса станет лишь мобилизация по типу военного коммунизма.

Вопрос об образе будущей хозяйственной системы имеет смысл лишь в том случае, если удастся снова запустить ту хозяйственную машину, которая нам *дана историей*. Невозможно перескочить в будущее без того, чтобы обеспечить страну на переходный период жизненно необходимыми средствами на приемлемом для ее воспроизводства уровне.

Анализ будущего включает в себя два взаимосвязанных, но разных проекта:

– проект будущего жизнеустройства (которое возникнет после преодоления неопределенности кризиса);

– проект *перехода* к нему из нынешнего критического состояния.

Кризис и нормальное развитие – разные модели жизни. То, что неприемлемо или нежелательно в нормальное время, может быть меньшим злом в период кризиса и в переходный период. Однако взаимосвязь этих проектов не менее важна, чем их структурное различие. Действия (и их объяснение) в переходный период определяют вектор движения («поверх зигзагов маршрута») и основные черты образа будущего. Так включается механизм «тяги-толкай» (в спину толкает отрицание кризиса, вперед влечет притяжение образа будущего).

Данная разработка – подход к созданию методологических инструментов и выработке одной из альтернатив такого проекта. Мы отказываемся от детерминизма, априори задающего нам модель идеального *образа будущего*. Проблему будем излагать на языке жестких («земных») понятий, без туманных идеологических формул вроде дилеммы «капитализм-социализм». При этом исключается детерминизм любого типа – как исходящий из идеологических предпочтений (типа «социализм лучше капитализма» или «демократия лучше тоталитаризма»), так и из веры в «железную необходимость» исполнения объективных законов общественного развития¹. ***Будущее конструируется и строится.***

¹ Здесь главной трудностью при обсуждении и принятии проекта будет давление исторического материализма (вера в «объективные законы развития», присущая как марксизму, так и либерализму).

Наша работа по своему жанру – сравнительно подробное и рациональное изложение возможностей построения будущих систем. Их многообразие велико, а путей развития много. Под одной и той же формой, которую многие системы принимают под давлением обстоятельств, часто таятся разные сущности. Для начала анализа надо предположить, что системы хозяйствования обладают значительной гибкостью и степенями свободы, позволяющими им изменяться и принимать разные формы, не нарушаясь в зависимости от знания, интересов и воли политических и хозяйствующих субъектов, от наличия ресурсов и внешних условий.

В момент кризиса возникают обширные зоны неопределенности, поэтому надежно «взвесить» все достоинства и недостатки образа будущего нельзя – массовое сознание внутренне противоречиво. Исходя из этого, на первом этапе анализа лучше решать более простую задачу – определение «поля возможного», отсечение «того, чего не может быть». Это составление перечня непреодолимых *объективных* ограничений (например, таковыми на среднесрочную перспективу можно считать географические и природные условия для хозяйства России).

Второй этап анализа – установление более мягких, *культурных* ограничений («того, чего мы категорически не желаем», но что может произойти под давлением непреодолимых обстоятельств). Например, мы не желаем отторжения Северного Кавказа (как сербы не желали отторжения Косова). Но если Россия ослабнет до некоторого порогового уровня, это может произойти.

Важная методологическая установка этой работы заключается в том, что хозяйство – ключевая часть более широкой и сложной системы *жизнеустройства*.

Россия переживает именно кризис жизнеустройства («системный кризис»). Однако широко бытует ошибочное убеждение, будто выход из кризиса – проблема *экономическая*, и ответ должны дать экономисты. На деле экономиста можно уподобить инженеру-эксплуатационнику, который обеспечивает нормальную работу

данной хозяйственной машины (или же ее подсистемы – смазки, питания и т.д.). Такой инженер часто не знает и даже не обязан знать теоретических принципов всей машины – например, термодинамики как теории тепловой машины. И уж тем более инженер, специалист по дизелям, не обязан знать теории машины совсем иного рода (например, ядерной физики как основы атомного реактора). Когда слушаешь рассуждения экономиста-«эксплуатационника» о российском кризисе, возникает подозрение – а понимает ли он, о чем говорит? Ведь почти все экономисты уходят от вопроса, в чем суть рыночной экономики и ее отличие от того типа хозяйствования, которое стали переделывать.

Глава 1. МОЖНО ЛИ ПРОДОЛЖАТЬ СТРОИТЕЛЬСТВО ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПО ПРОЕКТУ «ПЕРЕСТРОЙКА – РЫНОК»?

Хозяйство – *большая система*. Важное свойство больших систем состоит в том, что это системы *развивающиеся*. Их прошлое, настоящее и будущее связаны процессами непрерывного развития, траектория которого задается относительно устойчивым «генотипом». Он, однако, может претерпевать более или менее глубокие и обширные «мутации» (реформы и революции). Но для нашей темы самое важное в том, что хозяйственная система, как и все большие системы, вынуждена развиваться и меняться. Если нет развития, происходит *деградация*.

Период 1999–2007 г. означал *подмороживание* разрушительного процесса 90-х годов. Это был спасительный выбор, однако он также стал переходить в застой. Насущно необходим *проект движения*. Одна из главных задач – определить его пункт назначения («образ будущего») и маршрут перехода. Первый вопрос в решении этой задачи: возможно ли и желательна ли продолжать движение по тому коридору, который задан доктриной реформ, принятой еще в конце 80-х годов XX века?

Наш ответ на этот вопрос сводится к следующему.

Минуло 19 лет реформы в России. Этого срока достаточно, чтобы проверить на деле любую программу. Из всего, что сказала о мире и человеке наука XX века, из опыта нашей разрухи 90-х годов и мирового опыта первого десятилетия XXI века следует достаточно надежный вывод: попытка втиснуть Россию в систему переживающей кризис западной цивилизации – утопия, которая *не сможет быть реализована*, и уже привела к огромным страданиям большинства народа. Продолжение этой попытки умножит эти страдания, но к успеху не приведет.

Первый блок причин лежит вне самой России и должен рассматриваться как объективный фактор, на который мы не можем повлиять. В современной капиталистической системе, построенной по типу «центр-периферия», РФ (одна или в союзе с другими республиками бывшего СССР) *не может получить места в центре*. Как выразился А.А.Зиновьев, «место занято». Ее реальный выбор: или стать частью периферии Запада (т.е. создать уклады «периферийного капитализма»), или выработать собственный проект, продолжающий траекторию развития России, но возможный и приемлемый в новых реальных условиях².

Как это ни печально для части общества, но построить в России экономику западного (англо-саксонского) типа со свойственным ей образом жизни («обществом потребления») невозможно. Разумно принять это ограничение как заданное непреодолимыми условиями (в том числе *природными*).

Есть и другая фундаментальная внешняя причина. Уже невозможно построить в стране капитализм, имея по соседству агрессивную капиталистическую цивилизацию (Запад). Запад заинтересован в том, чтобы превратить все лежащее за его пределами мировое пространство в зону «*дополняющей экономики*». Поэтому уже с XVIII века Запад «пожирал» зародыши целостного автономного капитализма вне собственных границ. Это произошло с нарождавшимся капитализмом Египта и Индии, затем Китая и России. Опыт успешного «сохранения» своего капитализма Японией остается уникальным (если только хозяйство Японии можно считать капитализмом)³.

² Надо, однако, заметить, что, приняв доктрину, приводящую к превращению РФ в зону периферийного капитализма, идеологи реформ умалчивают о том, что это означает в реальности – они все время сбиваются на рассуждения о том, как мы будем жить при *капитализме*. Между тем сущность периферийного капитализма изучена досконально, и главное в ней то, что уклад жизни там не является *капиталистическим*. Точнее, в анклав капитализма живет очень небольшое меньшинство (в нашем случае это будет правящее сословие и те, кто обслуживает «Трубу»). Остальная часть населения будет выброшена из цивилизации, чтобы жить, грубо говоря, на подножном корме и не тратить необходимую для метрополии нефть.

³ Краткое и убедительно объяснение этому явлению дает востоковед В.В. Крылов в книге «Теория формаций» (М., 1997).

Периферийная система мирового капитализма не имеет возможности автономного развития собственного капитализма. Это показали, подходя с разных точек зрения, Карл Маркс и В.И. Ленин, Фернан Бродель и Самир Амин, И. Валлерстайн и В.В. Крылов. Их выводы следует принять как установленный факт.

Второй блок причин порожден реальностью России. Совокупность этих причин (как объективных, так и культурных) хорошо изучена российскими учеными уже с конца XIX века, и их замалчивание при выработке доктрины реформ в конце 80-х годов лежит на совести элиты советских обществоведов⁴.

Наблюдалась поразительная вещь: ни один из ведущих экономистов СССР и РФ никогда не сказал, что советское хозяйство *может быть переделано* в рыночное хозяйство западного типа. Никто не утверждал также, что в России *можно построить* экономическую систему западного типа. Главные обществоведы страны не утверждали, что жизнеустройство страны может быть переделано без катастрофы – но тут же требовали его переделать⁵.

Ситуация в интеллектуальном плане аномальная: заявления по важнейшему для народа вопросу строились на предположении, которое никто не решался явно высказать. Никто не заявил, что на рельсах нынешнего курса возникнет дееспособное хозяйство, достаточное, чтобы гарантировать выживание России как целостной страны и народа. Ведь если этого не будет, то уплаченную народом тяжелую цену за реформу уже никак нельзя будет оправдать. Однако, сколько ни изучаешь документы и выступления, никто четко

⁴ Крайним проявлением недобросовестности следует считать лоббирование программы создания в России «фермерства» взамен крупных сельскохозяйственных предприятий. Программа была заведомо обречена на провал и вела к разрушению отечественного сельского хозяйства. Это прямо вытекало из трудов всей российской школы экономистов-аграрников, сложившейся уже в конце XIX века, а также из всего исторического опыта аграрных реформ в России.

⁵ Общество не должно принимать подобные катастрофические предложения без обоснования и критического анализа с последующим обстоятельным и широким диалогом.

не заявляет, что он, академик такой-то, уверен, что курс реформ выведет нас на безопасный уровень без срыва в катастрофу⁶.

Строго говоря, реформа и замышлялась как катастрофа, слом существующего строя России. Это подтверждается множеством красноречивых заявлений в печати. Академик Т.И. Заславская считала даже, что речь идет не о реформе, а о *социальной революции*.

Академик А.Н. Яковлев обращался к интеллигенции: «Впервые за тысячелетие взялись за демократические преобразования. Ломаются вековые привычки, поползла земная твердь» (А.Н. Яковлев. Куда качнется интеллигенция. – Российская газета, 8 июня 1996 г.). Таким образом, открыто признавалось, что объект демонстрации – не советская система, а *тысячелетняя Россия*, что из-под ног выбивают земную твердь.

А вот какая метафора дана в элитарном журнале Академии наук: «Перед Россией стоит историческая задача: сточить грани своего квадратного колеса и перейти к органичному развитию... В процессе модернизаций ряду стран второго эшелона капитализма удалось стесать грани своих квадратных колес... Сегодня, пожалуй, единственной страной из числа тех, которые принадлежали ко второму эшелону развития капитализма, где колесо по-прежнему является квадратным, осталась Россия, точнее территория бывшей Российской империи (Советского Союза)»⁷.

Вопрос, может ли вообще хозяйство России превратиться в рыночную экономику без его полного разрушения и катастрофы, остается открытым и сегодня. Однако дольше рисковать уже нельзя, надо восстановить и наладить то, что мы имеем. Поэтому принятие реше-

⁶ В явном виде работа над доктриной началась в Проблемной комиссии по совершенствованию планирования и управления народным хозяйством, которая была создана АН СССР и ГКНТ в декабре 1982 г. в составе: Л.И. Абалкин, А.Г. Аганбегян, П.Г. Бунич, Л.М. Гатовский, Б.З. Мильнер, В.Л. Перламутров, И.Я. Петраков, Е.Г. Ясин, Н.П. Федоренко. В это же время начали работать еще несколько групп. Сейчас имеются поучительные мемуары участников этой работы.

⁷ В.А. Красильщиков. Модернизация и Россия на пороге XXI века. – «Вопросы философии». 1993, № 7.

ния о том, продолжать ли движение по прежней траектории реформ или изменить доктрину, становится срочным и неотложным.

Сделаем следующую оговорку. В этой разработке речь идет о векторе и маршруте движения из точки *«Россия-2010»*. Иными словами, нынешнее состояние хозяйства и культуры России (с учетом развития за последние 100 лет) принимается нами как **данность**. Рефлексия над установками и решениями конца 80-х и начала 90-х годов полезна лишь как один из подходов к описанию нынешнего общества, но вернуться к выбору 1988 или 1992 годов уже нельзя. И условия выбора, и российское общество, и мир изменились настолько, что пытаться вновь «проигрывать» те ситуации бесполезно.

Замечание. Мы оставляем в стороне национальный аспект реформы, однако имеем в виду следующее. При продолжении движения в коридоре «реформ 90-х годов» возникает и особая угроза, о которой идеологи предпочитают не говорить, хотя это едва ли не самая насущная угроза для России. Это – угроза распада *русского народа*. Она выявляется, если представить нашу проблему в плане «хозяйство-народ».

Хозяйственная система – часть национальной культуры. Устойчивость хозяйственной системы есть условие сохранения народа, а ее изменчивость («подвижность») есть условие адаптации народа к изменяющейся внешней среде. Любая реформа хозяйства должна соблюдать баланс между устойчивостью и подвижностью. В 90-е годы этот баланс был резко нарушен, что привело к ослаблению или разрушению многих механизмов, сплачивающих население России в народ. Произошел «демонтаж народа», что в данный момент является, вероятно, главным препятствием для преодоления кризиса.

Реформа ослабила, повредила или разорвала практически все типы связей, которые соединяли людей в *народы*, а народы России – в большую полиэтническую нацию. Здесь мы не рассматриваем всю

систему этих связей и механизмы, которые их воспроизводили. Но особое место в повреждении этих механизмов занимает созданная реформой прямая угроза для русских – *деиндустриализация*.

В социальном плане все народы России несут урон от утраты такого огромного богатства, каким является промышленность страны. Почему же деиндустриализация – это удар именно по русским как народу, по *национальной* общности? Потому, что за XX век образ жизни почти всего русского народа стал *индустриальным*, то есть присущим индустриальной цивилизации. Даже в деревне почти в каждой семье кто-то был механизатором. Машина с ее особой логикой и особым местом в культуре стала неотъемлемой частью мира русского человека.

Русские стали ядром рабочего класса и инженерного корпуса СССР. На их плечи легла не только главная тяжесть индустриализации, но и технического развития страны. Создание и производство новой техники сформировали тип мышления современных русских, вошли в центральную зону мировоззрения, которое сплачивало русских в народ. Русские по-особому организовали завод, вырастили свой особый культурный тип рабочего и инженера, особый технический стиль.

Разумеется, все народы СССР участвовали в индустриализации страны, а культура индустриализма в разной степени пропитала национальные культуры разных народов, – с этим трудно спорить. Но если в социальном плане осетины или якуты тоже страдают от вытеснения России из индустриальной цивилизации, то это не является столь же разрушительным для ядра их национальной культуры, как у русских. Русские как народ выброшены реформой из их *цивилизационной* ниши. Это разорвало множество связей между ними, которые были сотканы индустриальной культурой – ее языком, смыслами, образами, поэзией. А назад, в доиндустриальный образ жизни, большой народ вернуться не может.

Из него при таком отступлении могут лишь выделиться небольшие анклавные индустриального уклада, а остаток населения

распадется на региональные «племена», которые будут пытаться освоить безмашинный уклад хозяйства и образ жизни. Но народ (а тем более нация) при архаизации сохраниться не может.

При такой национальной катастрофе «угаснет» значительная часть русских, а из остатков возникнут общности с новой, совсем иной культурой, даже если номинально они будут носить звание русских. Утопия «возврата в деревню» в национальном масштабе нереализуема.

Какую часть русского народа деиндустриализация затронула непосредственно? В 1985 г. в РСФСР было 46,7 млн. *рабочих*. В 2007 г. в промышленности, строительстве, транспорте и связи было 24–25 млн. *занятых*. Можно приблизительно считать, что за вычетом ИТР и управленцев в России осталось примерно 16 млн. рабочих. Россия утратила две трети своего рабочего класса. Число *промышленных* рабочих за годы реформы сократилось с 20 до 8,8 млн. (рис. 1-1). Сокращение этого числа продолжается в том же темпе, а молодая смена готовится в ничтожных масштабах (рис. 1-2).

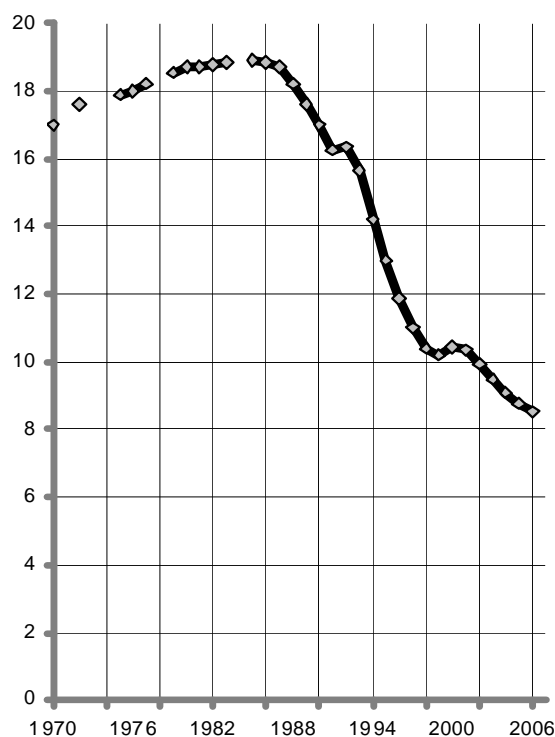

Рис. 1-1. Численность рабочих в промышленности России, млн.

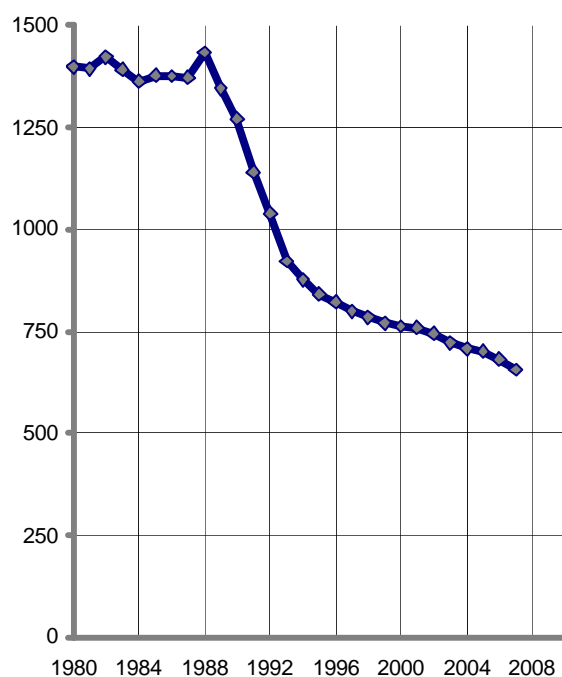

Рис. 1-2. Выпуск квалифицированных рабочих в системе начального профессионального обучения России, тыс.

Мы здесь не говорим о том, что деклассирование является социальным бедствием и означает глубокий регресс для тысяч малых городов, в которых остановлены заводы и фабрики. Ведь в России, в отличие от Запада, промышленность стала в Европейской части, на Урале и в Сибири центром жизнеустройства.

На основании изучения альтернативных программ развития и модернизации российского хозяйства в XX веке, исторического опыта реализации разных программ, обсуждения этого опыта в 80-е годы и последующих результатов реформ 90-х годов мы приходим к выводу, что принятая в 1991–1992 годах доктрина преобразования советской хозяйственной системы в «рыночную экономику» содержит *фундаментальные* ошибки. Попытка воплощения этой доктрины в жизнь неминуемо должна была привести к хозяйственной и социальной катастрофе.

Предупреждения об этом исходили и от советских, и от виднейших западных экономистов. Дж. Гэлбрейт уже в 1990 г. так сказал о планах наших реформаторов: «Говорящие – а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь – о возвращении к свободному

рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить» («Известия», 31 янв. 1990).

Психическое отклонение клинического характера – вот как воспринималась доктрина реформ экономистом с мировой известностью, не имеющим причин молчать!

Уже к середине 90-х годов мнение о том, что экономическая реформа в РФ «потерпела провал» и привела к «опустошительному ущербу», стало общепризнанным среди западных специалистов. Нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц дает реформе оценку совершенно ясную, которую невозможно смягчить: «Россия обрела самое худшее из всех возможных состояний общества – колоссальный упадок, сопровождаемый столь же огромным ростом неравенства. И прогноз на будущее мрачен: крайнее неравенство препятствует росту, особенно когда оно ведет к социальной и политической нестабильности»⁸.

Вдумаемся в этот вывод: в результате реформ мы получили *самое худшее из всех возможных состояний общества*. Значит, речь идет не о частных ошибках, вызванных новизной задачи и неопределенностью условий, а о *системе ошибок*, которая привела к наихудшему решению.

Разумным принципиальным решением был бы осознанный и аргументированный отказ от главных постулатов и установок доктрины российских реформ и выработка новой программы восстановления и развития народного хозяйства России. Тактика реализации этого решения – важный, но особый вопрос. В любом случае, независимо от оформления такого решения, продолжать реализацию программы, обреченной на неудачу и уже поставившей страну на грань катастрофы, было бы еще большей ошибкой, чем начинать двигаться по этому пути.

⁸ Дж. Стиглиц. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль. 2003. С. 188.

Глава 2. РЕФОРМА КАК ПОПЫТКА ИЗМЕНИТЬ «ГЕНОТИП» ВСЕХ СИСТЕМ ХОЗЯЙСТВА

Человеческое общество живет в искусственно созданном мире, через который взаимодействует с природой – *техносфере*. Каждое общество строит свою техносферу под воздействием и природных условий, и культурных норм. Даже у двух обществ, принадлежащих к разным культурам и живущих в близких или одинаковых природных условиях, техносферы могут существенно отличаться. Заимствование и перенос технологий идут непрерывно, но они всегда сопряжены с большими трудностями и даже сопротивлением общества.

Части техносферы существуют как *технико-социальные* системы. Сложился даже определенный взгляд на историю и современное состояние общества – через изучение тех технико-социальных систем, на которых базируется жизнеустройство. Одно из направлений обществоведения развивает представление о больших технических системах как *институциональных матрицах* общества. История формирования и нынешнее состояние институциональных матриц России рассмотрены в книге С.Г. Кирдиной «Институциональные матрицы и развитие России» (Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001).

Сложившись в зависимости от природной среды, культуры данного общества и доступности ресурсов, большие технические системы, в свою очередь, действительно становятся *матрицами*, на которых воспроизводится данное общество. Переплетаясь друг с другом, эти матрицы “держат” страну и культуру и задают то пространство, в котором страна существует и развивается. Складываясь *исторически*, а не *логически*, институциональные матрицы обладают большой инерцией, так что замена их на другие, даже действительно более совершенные, всегда требует больших затрат и непредвиденных потерь.

Например, всилу пространственных, экономических и социальных причин сеть железных дорог складывалась в России совсем иначе, чем в США. В России эта сеть напоминает “скелет рыбы”, и отдельные “кости” не конкурировали друг с другом, а были включены в единую систему, в управлении которой очень большую роль играло государство⁹.

Попытки перенести в иную культуру большую технико-социальную систему, хорошо зарекомендовавшую себя в других условиях, очень часто заканчиваются крахом или сопряжены с тяжелыми потрясениями. Попытка в начале XX века насильственно разрушить крестьянскую общину в России и превратить крестьян в “свободных фермеров” и сельскохозяйственных рабочих послужила одним из катализаторов революции 1917 года. Когда образованный человек читает, что в начале XX века в Центральной России капиталистическая рента с десятины составляла около 3 руб., а крестьяне брали землю в аренду по 16 руб. за десятину, он не может этого понять. Он поклонник Столыпина, а эти данные показывают несовместимость реформы Столыпина с российской реальностью. Не было у правительства достаточно средств, чтобы «оплатить» переход от одной институциональной матрицы (крестьянское хозяйство) к другой (фермерство) при таком разрыве в их эффективности.

Но ведь это непонимание мы видим и сегодня. Подобная попытка превратить колхозных крестьян в фермеров привела к глубокому кризису сельского хозяйства. История знает множество таких примеров, однако подобные утопии модернизации регулярно повторяются в моменты, когда в сознании правящего слоя начинают доминировать *евроцентризм* и *механицизм*. Средний горожанин и сегодня не понимает, в чем причина и суть той катастрофы, что

⁹ Точно так же в обществе Средневековья города по множеству причин планировались и строились совсем иначе, чем в индустриальном буржуазном обществе – достаточно сравнить планы Москвы и Нью-Йорка. Конечно, схема Нью-Йорка удобнее для автомобильного движения, чем структура Москвы, но переделать Москву по типу Нью-Йорка уже невозможно, ее модернизацию приходится вести очень осторожно, на основе прежней матрицы.

переживает российское село. Он не сможет объяснить, почему колхозы и совхозы вполне обходились 11 тракторами на 1000 га пашни, а среднеевропейская норма для фермеров в 10 раз больше – 110–120 тракторов¹⁰. Во сколько же обошлась бы замена колхозов фермерами, если бы она произошла в действительности?

В 1991 г. было принято небывалое в истории решение – провозглашена программа радикальной смены *всех* институциональных матриц страны, от детских садов до энергетики и армии. До этого в течение трех лет эти преобразования готовились под прикрытием социалистической фразеологии (т.н. “перестройка”). Вот уже 19 лет Россия живет в “переходный период” – в процессе демонтажа тех технико-социальных систем, которые сложились и существовали в Российской империи и СССР, и попыток создать новые системы, соответствующие рыночной экономике западного образца. Начатая в конце 80-х годов реформа в СССР и РФ, которая ставила целью изменить тип нашей цивилизации (“вернуться на столбовую дорогу, указанную человечеству Западом”), привела все системы в состояние глубокого кризиса.

Для его преодоления необходимо, чтобы сначала активная часть общества, а затем и широкие массы осознали истоки и причины кризиса, его “движущие силы” и “структуру” как *конфликт интересов* разных социальных групп, верно представили себе его динамику и тенденции развития. Только тогда все вольные и невольные участники конфликта могут определить свою позицию, обрести политическую волю и организовать для достижения победы или компромисса в клубке вызванных кризисом противоречий.

Нельзя не видеть, что наше общество разделяется на две части, которые говорят на разных языках и с трудом понимают друг друга. Между этими частями лежат не информационные, а культурные (*мировоззренческие*) барьеры. Это разделение не чувство-

¹⁰ Число тракторов в колхозах казалось нашему интеллигенту даже избыточным, и он верил академику Аганбегяну, который утверждал, будто в СССР тракторов в 3–4 раза больше, чем нужно.

валось в стабильный период жизни, но оно резко и даже бурно проявилось во время реформы. Суть расхождений можно выразить так: одна часть исходит из убеждения, что такие большие системы, как промышленность, сельское хозяйство, ЖКХ складываются *исторически* и обладают большой инерцией. Они связаны с другими сторонами нашей жизни множеством невидимых нитей, и потому не могут быть быстро переделаны согласно волевому решению, каким бы гениальным оно ни казалось.

Другая часть уверена, что такие системы создаются, исходя из той или иной инженерной или экономической доктрины. Если где-то есть другая, лучшая модель, то ее можно срисовать и переделать собственную по этим чертежам. Или вообще “заменить” систему, как меняют автомобиль.

Первый тип мышления можно назвать “космическим”, а второй – “механистическим”. В разных ситуациях оба типа обнаруживают разные достоинства и недостатки. В России во время перестройки на политической арене и в СМИ стал доминировать тип мышления, проникнутый жестким механистическим детерминизмом. Одним из его выражений был *евроцентризм* – большая идеологическая конструкция, суть которой выражается лозунгом “Следуй за Западом, это лучший из миров!”

Поскольку этот тип мышления возобладал и во властной верхушке, его господство в СМИ стало тотальным, и открытого диалога с взаимной коррекцией позиций между двумя частями общества не возникло. Именно в лоне механистического мышления сложилась доктрина, а потом и программа реформ в РФ. Вся она была проникнута отрицанием, вплоть до ненависти, практически ко всем институциональным матрицам советского жизнеустройства. Философия реформ выражалась лозунгом: “Изменить все и сделать изменения необратимыми!”

Это – одна из важнейших сторон экономической реформы в России. Определим кратко ее значение.

Одним из важных видов деятельности человека является *проектирование*, то есть выстраивание образа будущего и составление плана действий. При болезни общества система этих операций нередко деградирует, так что резко сужается “горизонт будущего” и подавляется творчество. Господствует идея-фикс – *Иного не дано!* Проектирование заменяется *имитацией*. К имитации прибегают культуры, оказавшиеся неспособными ответить на вызов времени, и это служит признаком упадка.

Реформы в России стали огромной программой *имитации Запада*. Это было признаком духовного кризиса нашей интеллектуальной элиты, а затем стало и одной из главных причин общего кризиса. Отказавшись от проектирования будущего, взяв курс на имитацию, наши реформаторы и их интеллектуальное окружение подавили и те ростки творческого чувства, которые пробивались во время перестройки. Духовное бесплодие – один из тяжелых и многозначительных признаков будущей катастрофы. Историк академик П.В. Волобуев говорил: “Едва ли не самым слабым местом новой политической системы является отсутствие – за вычетом мифа о всеисилии рынка – воодушевляющей и спланивающей Большой идеи. Духовная нищета режима просто поразительна”¹¹.

Имитируют всегда подходы и структуры *передовых чужеземцев*, хотя всегда можно найти объект для имитации и в собственном прошлом. Но этого избегают, так как прошлое мобилизует память и неизбежно втягивает разум в творческий процесс. Имитатор, подавляющий разум и творчество, вынужден быть *антинациональным*.

Видный антрополог XX века А. Леруа-Гуран подчеркивал, что для существования народа необходим баланс между устойчивостью и подвижностью систем его жизнеустройства. Совокупность технических приемов и материальных средств хозяйства представляет собой *систему* – устойчивую (и изменяющуюся) часть культуры этнической группы (племени, народа и даже на-

¹¹ “Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития”. М.: Интерпракс. 1995. С. 287–300.

ции). Эту целостную систему, соединяющую материальный и духовный миры, любая этническая общность оберегает, отказываясь даже от выгод «эффективности». Образованные европейцы склонны видеть в этом инерцию и признак отсталости, между тем как речь идет о стремлении избежать разрушения культурной матрицы народа под действием слишком быстрых и слишком крупномасштабных изменений в хозяйстве. Если равновесие нарушается и этническая общность не может ассимилировать посторонние элементы, она, по выражению Леруа-Гурана, «теряет свою индивидуальность и умирает», то есть утрачивает свою этническую идентичность.

Непосредственная опасность гибели возникает вследствие избыточной *подвижности*, которая нередко возникает после периода застоя. Леруа-Гуран важное место отводит механизмам, которые он называет *инерцией* и *пережитками*. Это необходимые средства для сохранения народа. Он пишет: «Инерция по-настоящему бывает видна лишь тогда, когда [этническая] группа отказывается ассимилировать новую технику, когда среда, даже и способная к ассимиляции, не создает для этого благоприятных ассоциаций. В этом можно было бы видеть самый смысл личности группы: народ является самим собою лишь благодаря своим пережиткам».

Значение *традиции* как неперемennого условия сохранения этноса доказывали антропологи самых разных школ и направлений. Можно сказать, что они, рассматривая проблему под разными углами зрения, вывели «общий закон» этнологии. Один из основоположников социальной антропологии Б. Малиновский писал о роли традиций: «Традиция с биологической точки зрения есть форма коллективной адаптации общины к ее среде. Уничтожьте традицию, и вы лишите социальный организм его защитного покрова и обречете его на медленный, неизбежный процесс умирания». Отсюда, кстати, выводится общее правило *уничтожения* народов: хочешь стереть с лица земли народ – найди способ системного подрыва его традиций.

Если пробежать мысленно все стороны жизнеустройства, то увидим, что в 90-е годы реформаторы пытались переделать все системы, которые сложились в России и СССР, по западным образцам. Сложилась, например, в России своеобразная *школа*. Она складывалась в длительных поисках и притирке к социальным и культурным условиям страны, с внимательным изучением и зарубежного опыта. Результаты ее были не просто хорошими, а именно блестящими, что было подтверждено объективными показателями и отмечено множеством исследователей и Запада, и Востока. Нет, эту школу было решено кардинально изменить, перестроив по специфическому шаблону западной школы.

Сложилась в России, за полвека до революции, государственная пенсионная система, отличная и от немецкой, и от французской. Потом, в СССР, она была распространена на всех граждан, включая колхозников. Система эта устоялась, была всем понятной и нормально выполняла свои явные и скрытые функции, – нет, ее сразу стали переделывать по неолиберальной англо-саксонской схеме.

Когда во время реформы имитация Запада стала принципиальным выбором, она превратилась в одно из главных средств демонстрации народа через систематическое отрицание традиций. Л. Пияшева писала в 1990 г.: “Когда я размышляю о путях возрождения своей страны, мне ничего не приходит в голову, как перенести опыт немецкого “экономического чуда” на нашу территорию... Моя надежда теплится на том, что выпущенный на свободу “дух предпринимательства” возродит в стране и волю к жизни, и протестантскую этику”¹².

В сфере хозяйства самой крупномасштабной имитацией была попытка переделать советское хозяйство по шаблонам англо-саксонской рыночной системы. Экономист-реформатор В.А. Найшуль пишет: «Рыночный механизм управления экономикой – дос-

¹² Здесь вера в имитацию сопряжена, как это часто бывает, с невежеством – Пияшева надеялась *возродить* в православной России протестантскую этику, которой здесь отродясь не могло возникнуть!

тояние общемировой цивилизации – возник на иной, нежели в нашей стране, культурной почве... Рынку следует учиться у США, точно так же, как классическому пению – в Италии, а праву – в Англии» (В.А. Найшуль. Проблема создания рынка в СССР. – В кн. «Постижение. Перестройка: гласность, демократия, социализм». М.: Прогресс. 1989. С. 441–454).

Это кредо имитатора – найти «чистый образец» и скопировать его в своих условиях. Это совершенно ложная установка, противоречащая и науке, и здравому смыслу. Известно, что копирование принципиально невозможно, оно ведет к подавлению и разрушению культуры, которая пытается «перенять» чужой образец. При освоении чужих достижений необходим *синтез*, создание новой структуры, выращенной на собственной культурной почве. Так, например, была выращена в России наука, родившаяся в Западной Европе, так был создан «конфуцианский капитализм» в Японии.

Утверждение, что «рынку следует учиться у США, а праву – в Англии», не просто ошибочно, но и наивно. И рынок, и право – большие системы, в огромной степени сотканные *особенностями* конкретного общества. Обе эти системы настолько переплетены со всеми формами человеческих отношений, что идея «научиться» им у какой-то одной страны находится на грани абсурда. Почему, например, рынку надо учиться у США – разве рынок в США лучше рынка в Германии, Японии или Сирии? Да и как можно учиться рынку у США, если его сиаемским близнецом, без которого он не мог бы существовать, является, образно говоря, «морская пехота США»? Это прекрасно выразил советник Мадлен Олбрайт Т. Фридман: «Невидимая рука рынка никогда не окажет своего влияния в отсутствие невидимого кулака. МакДональдс не может быть прибыльным без МакДоннел Дугласа, производящего F-15. Невидимый кулак, который обеспечивает надежность мировой системы благодаря технологии Силиконовой долины, называется наземные, морские и воздушные Вооруженные силы, а также Корпус морской пехоты США”.

Учиться у других стран надо для того, чтобы понять, почему рынок и право у них сложились так, а не иначе, чтобы выявить и понять суть явлений и их связь с другими сторонами жизни общества. А затем, понимая и эту общую суть явлений, и важные стороны жизни *нашего* общества, переносить это явление на собственную почву (если ты увлечен странной идеей, что в твоей собственной стране ни рынка, ни права не существует).

Что касается рынка, надо послушать самих либералов. Видный современный философ либерализма Джон Грей пишет: «В матрицах рыночных институтов заключены особые для каждого общества культурные традиции, без поддержки со стороны которых система законов, очерчивающих границы этих институтов, была бы фикцией. Такие культурные традиции исторически чрезвычайно разнообразны: в англосаксонских культурах они преимущественно индивидуалистические, в Восточной Азии – коллективистские или ориентированные на нормы большой семьи и так далее. Идея какой-то особой или универсальной связи между успешно функционирующими рыночными институтами и индивидуалистической культурной традицией является историческим мифом, элементом фольклора, созданного неоконсерваторами, прежде всего американскими, а не результатом сколько-нибудь тщательного исторического или социологического исследования»¹³.

Доктрина реформ отвергает матрицы России, несущие в себе компоненту длительной национальной традиции, совершенно определено и осознанно. Вот рассуждения члена группы реформаторов-теоретиков В. Найшуля (в публичной лекции 21 апреля 2004 г.): «Проблема, которая до сих пор не решена, – это неспособность связать реформы с традициями России. Неспособность в 85-м году, неспособность в 91-м, неспособность в 2000-м и неспособность в 2004 году – неспособность у этой группы [авторов доктрины реформ] и неспособность у страны в целом. Никто не представляет

¹³ Дж.Грей. Поминки по Просвещению. М.: Праксис. 2003. С. 113–114.

себе, как сшить эти две вещи... То, что можно сделать на голом месте, получается. Там, где требуются культура и традиция, эти реформы не работают. Скажем, начиная от наукоемких отраслей и банковского сектора, кончая государственным устройством, судебной и армейской реформой. Список можно продолжить».

Таким образом, авторы доктрины и не отрицают, что для реформаторов характерна «неспособность связать реформы с традициями России» (на эту неспособность у «страны в целом» нечего кивать, это негодная риторика!). В этом видна крайняя безответственность. Где в России «голое место», и что это за «голое место», где у Гайдара с Найшулем «получилось»?

Какого же рода изменение в институциональных матрицах России предполагалось произвести в ходе реформы? Подробно это рассмотрено в упомянутой книге С.Г. Кирдиной. Очень кратко и грубо суть можно свести к следующему. Понятие институциональной матрицы возникло на стыке цивилизационного и институционального подходов. Это хорошо видно по списку имен ученых и мыслителей, которые сделали основной вклад в становление этого понятия. Обобщая, Кирдина дает такое определение: «Институциональная матрица как социологическое понятие – это устойчивая, исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер – экономической, политической и идеологической».

Строго говоря, каждое общество имеет свой, только ему свойственный тип институциональных матриц – устойчивый, но и развивающийся профиль. Однако это множество разделяется на два класса, тяготеющие к двум разным «чистым» типам, которые называют X и Y-матрицы (иногда, метафорически, их называют «Западная» и «Восточная» матрицы, хотя правильнее было бы сказать «Западная» и «Незападная»). В чистом виде X-матрица описывает идеальное «рыночное» общество, к которому ближе всего приближается тот «англо-саксонский» тип капитализма, что сложился в Голландии и Англии, был распространен кальвинистами в части

Европы, а пуританами в США, Южной Африке и Австралии. Это – цивилизационное ядро современного Запада. К нему примыкают более «мягкие» типы капитализма в его либеральной или социал-демократической версиях (Скандинавия, Германия, юг Европы, модернизированная часть Латинской Америки).

Y-матрицы отвечают *незападным* обществам (даже таким модернизированным, как Япония или Россия), в которых жизнеустройство складывалось согласно метафоре «семьи», под сильным влиянием общинной идеологии, коммунальной материально-технологической среды и патерналистского государства. Под этим углом зрения различия общественно-экономических формаций не являются определяющими, так что в одну категорию входят и японский или корейский «конфуцианский капитализм», и советский «социализм». И плановая, и рыночная экономики могут строиться в рамках и X-матрицы, и Y-матрицы.

Английский философ Дж. Грей пишет на этот счет: «Рыночные институты вполне законно и неизбежно отличаются друг от друга в соответствии с различиями между национальными культурами тех народов, которые их практикуют. Единой или идеально-типической модели рыночных институтов не существует, а вместо этого есть разнообразие исторических форм, каждая из которых коренится в плодотворной почве культуры, присущей определенной общности. В наши дни такой культурой является культура народа, или нации, или семьи подобных народов. Рыночные институты, не отражающие национальную культуру или не соответствующие ей, не могут быть ни легитимными, ни стабильными: они либо видоизменяются, либо будут отвергнутыми теми народами, которым они навязаны».

Россия и в облике Российской империи, и в облике СССР, была обществом, где Y-матрица вызрела в наиболее чистом виде, представляя наглядную альтернативу жизнеустройству согласно X-матрице. Стремление защитить свою институциональную матрицу в ходе вторжения западного капитализма и было общей при-

чиной русской революции (а затем и волны революций в других незападных, «крестьянских» странах).

В ходе экспансии западного капитализма в период империализма («второй волны» глобализации) было много попыток политическими и экономическими средствами изменить институциональные матрицы зависимых стран по западному образцу. Ни одна из этих попыток не удалась – слабые культуры погибали (с массовой гибелью или полным «угасанием» населения), сильные закрывались культурными барьерами и вели «молекулярное» сопротивление или открытую борьбу под социалистическими или националистическими знаменами.

Кирдина цитирует слова одного из основоположников неoinституционализма Дугласа Норта: «Наличие механизмов самоподдержания институциональной матрицы ... свидетельствует о том, что, несмотря на непредсказуемость конкретных краткосрочных тенденций развития, общее направление развития в долгосрочной перспективе является более предсказуемым и с трудом поддается возвращению вспять».

В России же мы имеем еще более сложный случай: реформа означала не попытку возвращения вспять (к общинному землевладению или старообрядческому капитализму Саввы Морозова), а переделку Y-матрицы в X. Рассмотрим кратко один из множества примеров таких попыток.

Промышленное предприятие как институциональная матрица. Подавляющее большинство промышленных предприятий нынешней России создано в советский период. Они представляют собой особый, возникший в русской культуре в ее советский период общественный институт, ставший одной из важнейших матриц в хозяйстве России. Те предприятия, что были унаследованы от России дореволюционной, были трансформированы в соответствии с той же матрицей (этот процесс начался сразу же после Февральской революции 1917 г. и создал организованную социальную базу для Советов и Октябрьской революции в рабочей среде).

Эта матрица была достроена в процессах индустриализации, перестройки промышленности в годы Отечественной войны и послевоенного восстановления (30–50-е годы).

Как и в Японии, индустриализация в СССР проводилась не через возникновение свободного рынка рабочей силы, а в рамках государственной программы. После революции 1917 г. в селе была возрождена община (мир), лишь частично подорванная в 1906–1913 гг. реформами Столыпина. Необходимые для индустриализации трудовые ресурсы были получены посредством коллективизации. Вытесненные из села крестьяне не «атомизировались» (как в Англии в ходе «огораживаний»). Они были направлены на учебу и на стройки промышленности, после чего стали рабочими, техниками и инженерами. Жили они в общежитиях, бараках и коммунальных квартирах, а потом в рабочих кварталах, построенных предприятиями. Это был процесс переноса общины из села на промышленное предприятие. Получилось так, что основные черты общинного уклада на предприятии проявились даже сильнее, чем в оставшемся в селе колхозе¹⁴.

Промышленное предприятие в СССР не стало чисто производственным образованием. Оно было, как и община в деревне, центром *жизнеустройства*. Уже на первом этапе «шоковой терапии» после 1991 г. обнаружилась «аномалия» промышленных предприятий России, которая до сих пор не дает возможности создать *рынок рабочей силы*¹⁵.

Вполне естественным процессом, вытекающим из культурного генотипа и опыта трудового коллектива стало создание на самом

¹⁴ Аналогичный процесс переноса на современное предприятие общинных, клановых и сословных отношений наблюдался и в Японии.

¹⁵ Заместитель министра труда и занятости РФ В. Кастмарский писал в марте 1992 г.: «Пикантность нынешней экономической ситуации заключается в том, что после освобождения цен и начала работы спросовых ограничений в нормальной (подчеркнем: в нормальной) экономике все предприятия стремятся расширить производство, чтобы не только выжить, но и увеличить свою прибыль. У нас же происходят удивительные вещи: производство сокращается, но нет и безработицы, то есть предприятия продолжают платить деньги, даже работая меньше и хуже. Изыскиваются самые разные способы остаться на плаву – сдаются этажи производственных помещений в аренду ином фирмам. Продаются запасы сырья и оборудования» («Российская газета», 24.03.92).

предприятия и вокруг него обширной системы *социальных* служб – жилищно-коммунального хозяйства, учреждений здравоохранения, объектов культурного назначения, детских дошкольных учреждений и пионерских лагерей, подсобных хозяйств и рабочих столовых. Через эту систему работники предприятия получали значительный объем благ на нерыночной основе.

Начиная реформу, Правительство России и международные организации, которые консультировали его при разработке программы реформ, выразили резко отрицательное отношение к практике предприятий предоставлять социальные услуги своим работникам и местному населению. Эта практика справедливо рассматривалась как противоречащая принципам рыночной экономики («патология нерыночной системы»). Советский завод был производственным организмом, неизвестным на Западе. Эксперты ОЭСР, работавшие в РФ в начале 90-х годов, не могли понять, как устроено это предприятие, почему на него замыкаются очистные сооружения или отопление целого города, почему у него на балансе поликлиника, «подсобное хозяйство» в деревне и жилые дома.

Действительно, одним из важных принципов рыночной экономики является максимально полное разделение *производства* и *быта*. Вебер писал о промышленном капитализме Нового времени: «Современная рациональная организация капиталистического предприятия немислима без двух важных компонентов: без господствующего в современной экономике *отделения предприятия от домашнего хозяйства* и без тесно связанной с этим рациональной *бухгалтерской отчетности*». На предприятии как центре жизнеустройства нарушались оба эти условия – элементы «быта» находились в порах «производства» и не вполне отражались в рациональной бухгалтерской отчетности¹⁶.

¹⁶ Заметим, что к этой «патологии» промышленного предприятия в равной мере критически относились и ортодоксальные марксисты, которые видели в ней проявления «грубого общинного коммунизма» (или «феодалного социализма»), в котором Маркс видел реакционные черты общинных отношений. Однако борьба против нее партийных органов в советское время не была успешной.

С 1992 г. стали предприниматься политические действия по изменению самой структуры предприятия как институциональной матрицы России – у предприятий стали изымать социальные службы. Речь шла об изменении всего жизнеустройства предприятия и окружающей его местности (часто целого города). При этом эксперты признавали, что в реальной экономической ситуации это будет означать резкое *ухудшение* жизни большинства местного населения.

После 1993 г. произошло резкое снижение расходов предприятий на социальные нужды. Однако гораздо более важен тот факт, что, несмотря на тяжелейшее финансовое положение, предприятия даже после приватизации *продолжали* сохранять ядро социальной инфраструктуры. В неблагоприятных условиях предприятия «ушли в оборону», лишь сократив свою социальную инфраструктуру на второстепенных участках.

Именно во взаимоотношениях рабочих с предприятием (независимо от того, государственное ли оно или частное) наблюдалась уникальная черта экономической реформы в России. Производство упало вдвое, а рабочих не увольняли (практически после приватизации не было случаев массовых увольнений работников; 70% покинувших предприятия работников ушли по собственному желанию). Зарплату рабочим не платили по полгода – а люди приходили на предприятие и работали. Не было не только ожидаемого социального взрыва – не было даже социальных протестов. По оценкам экспертов Всемирного экономического форума в Давосе, в 1994 г. Россия была *самой нестабильной* страной, но забастовок на душу населения в ней произошло в десять раз меньше, чем в стабильной Испании.

Вот выводы «Мониторинга состояния и поведения предприятий» (конец 1995 г.), в ходе которого было обследовано 433 предприятия:

«Институциональные изменения. На абсолютном большинстве предприятий институциональных изменений в социальной инфраструктуре не происходит. В отношении детских дошкольных и

оздоровительных учреждений не принимали никаких действий 61% предприятий, объектов жилищно-коммунального хозяйства – 65%, культурного назначения – 81%, здравоохранения – 86%, образовательных учреждений – 91%...

Преобразование социальных объектов в юридические лица протекает довольно вяло. В 3% случаев из состава предприятий с приобретением статуса самостоятельного юридического лица вышли детские дошкольные учреждения, в 4,5% – объекты жилищно-коммунальной сферы, в 5% – объекты культурного назначения, в 3% – объекты здравоохранения.

Изменение затрат на содержание объектов социальной инфраструктуры в 1995 г. Затраты на содержание объектов социальной инфраструктуры, находящихся на балансе промышленных предприятий, в 1995 г. в большинстве случаев не снижались... Наибольшая доля предприятий (68%) **увеличила** эти затраты по объектам социальной инфраструктуры, имеющим жизненно важное значение для работников, а именно жилищно-коммунальному хозяйству и медицинским учреждениям. Почти на 2/3 предприятий увеличились затраты и на содержание детских дошкольных и оздоровительных учреждений... Что касается культурных и образовательных учреждений, потребность в услугах которых не носит витального, то есть жизненно важного, характера для работников, то доля предприятий, где затраты на их содержание увеличились, меньше (соответственно 56,2 и 46,8%).

При передаче на баланс других предприятий детских дошкольных и оздоровительных учреждений затраты на содержание последних увеличились у 46,4% предприятий – первоначальных их собственников, снизились у 42,9% и не изменились – у 10,7% предприятий. Аналогичные показатели по объектам жилищно-коммунального хозяйства составили соответственно 57,4%, 38,9% и 3,7%, социально-культурного назначения – 31,3%, 37,5% и 32,3%, здравоохранения – 44,4% и 55,6%. Таким образом, передача объектов социальной инфраструктуры на балансы других предприятий не мо-

жет рассматриваться в качестве фактора уменьшения социальных затрат предприятий – их первоначальных собственников».

Наиболее значимыми были и остаются *жилищно-коммунальные услуги предприятия*. В СССР промышленным предприятиям принадлежало около 20% всей жилой площади. В целом население высоко оценивало деятельность предприятий в этой сфере. В опросе 1990 г. в РСФСР 50,4% опрошенных считали, что услуги по предоставлению и содержанию жилья следует развивать предприятиям, а 28,3% – что их следует развивать местным органам власти.

Согласно Указу Президента РФ от 10.01.1993, ведомственное жилье не подлежало приватизации и должно было быть передано на баланс местных органов власти. Средств на содержание этого жилья у местной власти не было. В результате местные органы власти очень неохотно принимали жилье на свой баланс или требовали, чтобы предприятия продолжали оплачивать его содержание и после муниципализации. Это ставило убыточные предприятия в тяжелейшее положение – на грань банкротства. У некоторых предприятий затраты на жилищную сферу в 1995 г. превысили годовой фонд оплаты труда.

Таким образом, даже неустойчивое социальное равновесие в России поддерживалось в 90-е годы за счет сохранения важных черт *советского* жизнеустройства – предприятия продолжали оплачивать из своих средств значительную долю расходов на содержание жилья и коммунальной инфраструктуры. Именно в этой сфере нагляднее всего проявилась социальная эффективность сращивания производства и быта работников в условиях России.

Вот конкретный случай: текстильное предприятие АО «Фатекс» в Курской области имело свой жилищный фонд – 64 дома. В 1996 г. расходы на его содержание составили для предприятия 7 млрд. руб. В сентябре 1996 г. городской комитет по управлению имуществом потребовал передать жилищный фонд в муниципальную собственность (городу). При этом за обслуживание жилья ра-

ботников предприятия муниципальная специализированная фирма потребовала с АО «Фатекс» плату 26 млрд. руб. ежегодно. Это почти в четыре раза больше себестоимости обслуживания жилья собственной службой предприятия. Иными словами, соединение социальных служб с основным производством дает крупный кооперативный эффект.

«Мониторинг предприятий» показал, что к 1996 г. на 86% предприятий институциональных изменений в *службе здравоохранения* не произошло, а 9% предприятий передали свои медицинские учреждения на баланс других организаций. В большинстве случаев руководство предприятий относило медицинские услуги к категории витальных и стремилось их сохранить. Согласно обследованиям, поликлинику или медсанчасть имели в тот момент 55,6% предприятий, медицинский стационар 11,3% (а раньше они были на 19% предприятий), дом отдыха, санаторий или профилакторий имели 42,3% предприятий. Около 20% предприятий в 1996 г. осуществляли дополнительное (помимо предусмотренного законом) медицинское страхование работников. Около 70% предприятий оплачивали своим работникам путевки в санатории, 45,8% предприятий оплачивали амбулаторное и стационарное обслуживание.

Какова была политика приватизированных предприятий в отношении *детских оздоровительных лагерей*? К концу 1995 г. 61% предприятий сохранили свои лагеря, если они имелись. В другом обследовании было установлено, что в 1996 г. детские оздоровительные лагеря имели 42% предприятий, а еще 10% ранее ими располагало и утратило. Однако на 70% предприятий работникам оплачивали путевки, чтобы отправить детей в оздоровительный лагерь – свой или другого предприятия.

Каково поведение предприятий в отношении *детских садов*? В советское время около 80% предприятий имело свои детские сады. Тогда 87% расходов по содержанию ребенка в детских дошкольных учреждениях оплачивалось из бюджета государством, остальное – родителями. Поэтому финансовых затруднений у предприятий при

обслуживании «чужих» жителей города их детскими садами не возникло. В ходе реформы положение резко изменилось, и детские сады вынуждены взимать за пребывание детей существенную плату. В этой ситуации предприятия перешли на оказание целевой помощи своим работникам: 63,4% обследованных предприятий оплачивали своим работникам услуги детских садов.

Из «мониторинга», проведенного Министерством экономики, видно, во-первых, что предприятия (в том числе приватизированные!) не считали возможным прекратить предоставление работникам (и бывшим работникам, пенсионерам) жизненно важных социальных услуг – даже несмотря на тяжелый спад главного производства. Они продолжали оплачивать эти услуги даже в том случае, если объекты социальной сферы выводились из состава предприятия – превращались в самостоятельное коммерческое предприятие или передавались на баланс муниципальных властей.

Таким образом, социальная инфраструктура предприятий в России составляет их поистине неотъемлемую часть. Такой части не содержат западные капиталистические предприятия, из чего следует вывод, что советские предприятия представляли *иной социальный организм*. Приватизация нанесла этому организму тяжелую травму, но она не смогла изменить саму «анатомию и физиологию» этого организма. Первые пять лет радикальноэкономической реформы не привели к созданию условий, которые способствовали бы органичному изменению социально-культурного генотипа предприятий промышленности России. Сейчас «общинная» компонента предприятия мимикрирует под «рыночные» формы, отражается в коллективных договорах, формализуется профсоюзами, «страхованием», бонусами. Однако можно предположить, что эти новые формы лишь скрывают сохранившийся в «обычном праве» микросоциума патернализм российского предприятия. Стоит немного изменить идеологические установки, и эта «общинная» компонента снова станет важным ресурсом развития предприятий.

Из всего этого следует, что советский строй породил необычный тип промышленного предприятия, в котором производство было неразрывно (и незаметно!) переплетено с поддержанием важнейших условий жизни работников, членов их семей и вообще «земляков». Это переплетение, идущее от традиции общинной жизни, настолько прочно вошло в коллективную память и массовое сознание, что казалось естественным. На самом деле это – особенность России.

Наблюдение за попытками разорвать это переплетение, отделить производство от создания условий жизни позволило увидеть исключительно важную вещь, о которой мы раньше не думали. Соединение, кооперация производства с «жизнью» является источником очень большой и не вполне объяснимой экономии. Стоит только передать коммунальные и другие социальные службы из состава предприятия специализированным организациям, работающим на рыночных основаниях, как себестоимость жизненных благ очень сильно возрастает.

Из сказанного в этой главе мы делаем вывод:

Проект имитации в России рыночных систем, сложившихся на Западе, – следствие *фундаментальной* ошибки (здесь мы не говорим об отягчающих эту ошибку обстоятельствах). Продолжать практическую линию, вытекающую из ошибочной концепции, неразумно. К успеху она привести не может.

Глава 3. СОСТОЯНИЕ В ТОЧКЕ «РОССИЯ-2010». МАСШТАБЫ ИЗЪЯТИЙ РЕСУРСОВ ЗА 1991–2009 ГОДЫ

Результаты реформы 90-х годов и «выхода» из них в 2000–2009 годы накладывают новые ресурсные и культурные ограничения на выбор образа будущей хозяйственной системы.

Хозяйство относится к категории *больших систем*. Такие системы не создаются *доктринально*, методами социальной инженерии. Они складываются *исторически*. Большие массы людей и большое число организаций в течение длительного времени ведут испытание и перебор большого числа вариантов. Этот процесс подвергается непрерывной рефлексии и служит предметом непрерывного диалога на всех уровнях общества. Огромное количество проб и ошибок сопряжено и с применением жестоких «экспериментов» (кризисы, разорение, бедствия, стагнация), из которых извлекаются уроки.

Таковыми экспериментами были в России реформа 1861 года, революция 1905–1907 годов, столыпинская реформа, I Мировая война и две альтернативные революции 1917 года с Гражданской войной, НЭП, коллективизация и индустриализация, Отечественная война и восстановительный проект, попытки «десталинизации» Хрущева и «реформы Косыгина», «застой» и «перестройка».

Таким экспериментом стала для России и реформа 90-х годов. Это – самый радикальный проект, который, в отличие от реформы Столыпина, смог произвести демонтаж прежней системы на большую глубину.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 2004 г. В.В. Путин говорит: «С начала 90-х годов Россия в своем развитии прошла условно несколько этапов. Первый этап был связан с демонтажем прежней экономической системы... Вторым этапом было время расчистки завалов, образовавшихся от разрушения “ста-

рого здания”... Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала”.

Это важное утверждение, которое указывает на суть той *социокультурной* ситуации, которую породила реформа. Ведь она представлялась обществу как *модернизация* отечественной экономики, а на деле это был ее *демонтаж*, причем грубый, в виде *разрушения* “старого здания”. Так создано глубокое противостояние в обществе: на демонтаж хозяйства согласия общества не спрашивали, а общество не дало бы такого согласия. **Движение к любому устойчивому образу будущего не начнется до установления мира в этом противостоянии.**

Здесь мы лишь вскользь затрагиваем проблемы общественного сознания и конфликт ценностей как фактор, влияющий на выбор проекта восстановления хозяйственной системы, однако имеем этот фактор в виду.

Итак, по оценке В.В. Путина, «Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала».

Это – второе фундаментальное утверждение. Потенциал – это *база* хозяйства, его основные фонды и кадры. Напротив, валовой внутренний продукт (ВВП) – это «текущий», краткосрочный результат экономики, показатель *потока* произведенных благ, причем показатель, зависящий от внешней конъюнктуры (например, цен на нефть). Из факта роста ВВП, в принципе, не следует вывод о росте экономического потенциала. Массивные, инерционные процессы деградации базы хозяйства могут сопровождаться ростом ВВП и потребления. В этой главе оценим приблизительно, как реформа повлияла на состояние базы хозяйства.

Главный тезис состоит в том, что в 90-е годы были запущены *неумолимые* массивные процессы *деиндустриализации* и *износа основных фондов*. Государство и бизнес оказались неспособны остановить эти процессы в 2000–2009 годы, хотя они и были приторможены.

Деиндустриализация. В 90-е годы XX века частным собственникам была передана огромная промышленность, которая изначально была практически вся построена как единая государственная система. В экономическом, технологическом и социальном отношении расчленение этой системы означало катастрофу, размеров и окончательных результатов которой мы еще не можем полностью осознать. Но уже сейчас в мировой науке зафиксировано как факт: в России приватизация привела к небывалому в истории по своей продолжительности и глубине экономическому кризису, которого не может удовлетворительно объяснить теория.

Неизбежное в ходе приватизации разрушение *системы* предприятий уже само по себе должно было привести к огромным потерям в результате утраты кооперативного эффекта, которым обладало советское хозяйство. Но даже в отношении отдельных предприятий в конце 80-х годов в экономической науке был уже развеян миф о якобы более высокой эффективности частных предприятий в сравнении с государственными¹⁷.

Сама постановка вопроса была признана неверной – эффективность частного собственника и эффективность государства *не-соизмеримы*, поскольку их деятельность преследует разные цели и оценивается по разным критериям. У частного критерий – прибыль, а у государства – жизнеспособность целого (страны). В капиталистической экономике государственные предприятия создаются именно в неприбыльных отраслях, из которых уходит капитал. При диктате рынка это привело бы к опасной деформации всей структуры производственной системы, и государство корректирует положение или путем национализации убыточных предприятий, или путем бюджетных инвестиций для создания новых.

Но еще важнее тот факт, что с самого начала приватизация промышленности в России сопровождалась принятием небывалой

¹⁷ В середине 80-х гг. была проведена сравнительная оценка промышленных предприятий в четырех странах Западной Европы. Везде производительность труда в государственном секторе была выше, чем в частном: в ФРГ на 34%, во Франции на 30, в Италии на 21, в Великобритании на 91%, в среднем по четырем странам – на 44%.

в истории доктрины деиндустриализации. В своем предисловии к «Черной книге коммунизма» А.Н. Яковлев предложил свою доктрину *Семь «Д»*, те семь магических действий, которые надо совершить в ходе реформы. Четвертым «Д» у него стоит *деиндустриализация*. Он прибавил к обозначению этой цели стыдливую, но бессмысленную оговорку – «экологическая». Мол, ликвидировать промышленность РФ надо из любви к природе.

Идея демонтажа отечественной промышленности возникла уже во время перестройки. В важной книге 1989 года В.А. Найшуль пишет: «Чтобы перейти к использованию современной технологии, необходимо не ускорить этот дефектный научно-технический прогресс, а произвести почти полное замещение технологии по образцам стран Запада и Юго-Восточной Азии. Это возможно достичь только переходом к открытой экономике, в которой основная масса технологий образует короткие цепочки, замкнутые на внешний рынок. Первым шагом в этом направлении может стать привлечение иностранного капитала для создания инфраструктуры для зарубежного предпринимательства, а затем – сборочных производств, работающих на иностранных комплектующих»¹⁸.

Академик Н.П. Шмелев в важной статье 1995 г. так трактует задачу экономической реформы: «Наиболее важная экономическая проблема России – необходимость избавления от значительной части промышленного потенциала, которая, как оказалось, либо вообще не нужна стране, либо нежизнеспособна в нормальных, то есть конкурентных, условиях. Большинство экспертов сходятся во мнении, что речь идет о необходимости закрытия или радикальной модернизации от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей...

Если, по существующим оценкам, через 20 лет в наиболее развитой части мира в чисто материальном производстве будет занято не более 5% трудоспособного населения (2–3% в традицион-

¹⁸ В.А. Найшуль. Проблема создания рынка в СССР. – Постигание. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс. 1989. С. 441–454.

ной промышленности и 1–1,5% в сельском хозяйстве) – значит, это и наша перспектива»¹⁹.

Надо внимательно вчитаться в каждое из этих утверждений. Во-первых, черным по белому написано, что *деиндустриализация* – «наиболее важная экономическая проблема России». К 1995 г. стало очевидно уже и из практического опыта, что ни о какой «радикальной модернизации» промышленности речи не шло – происходила именно ликвидация «от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей». Даже напротив, в первую очередь ликвидировались самые современные производства (машиностроение и электроника).

Никакого *экономического* смысла в уничтожении отечественных промышленных предприятий быть не может – даже если они в данный момент неконкурентоспособны. Создать их стоило стране огромных усилий, и решение в момент кризиса раскрыть страну для ликвидации ее промышленности иностранными конкурентами следует считать разновидностью государственной измены. Д.И. Менделеев в похожей ситуации в конце XIX века предупреждал о необходимости защитить промышленное развитие народов России «против экономического порабощения их теми, которые уже успели развиваться в промышленном отношении».

Для оправдания деиндустриализации политики и СМИ использовали абсурдный миф о том, что «весь мир» переходит к постиндустриальной цивилизации, в которой промышленное производство резко сокращается. Это совершенно ложное и не согласующееся с мировой экономической реальностью утверждение могло быть предложено общественному сознанию только в условиях тотального контроля над СМИ. Эта нелепая концепция постиндустриализма сопровождается тяжелым нарушением логики. Вдумаемся в приведенное выше умозаключение Н.П. Шмелева: «Если через 20 лет в наиболее развитой части мира в материальном производстве будет занято не более 5% трудоспособного населения – значит, это и наша перспектива».

¹⁹ Н.П. Шмелев. Экономические перспективы России. – СОЦИС. 1995, № 3.

Утопия «постиндустриализма», при котором, якобы, человечество будет обходиться без материального производства, включена в доктрину российских реформ. Ей, например, был подвержен глава Минэкономразвития Г. Греф. В апреле 2004 г. он изложил такие тезисы: «Призвание России состоит в том, чтобы стать в первую очередь не руками, а мозгами мировой экономики! ... Этого нельзя сделать ни за десять, ни за пять лет, но мы должны последовательно идти в эту сторону. ... Могу поспорить, что через 200–250 лет промышленный сектор будет свернут за ненужностью так же, как во всем мире уменьшается сектор сельского хозяйства».

Никто с Грефом не стал спорить о том, что будет через 250 лет, а вчера под его руководством продолжался демонтаж российской промышленности. Технологию этой операции здесь рассматривать не будем, заметим лишь, что посредством приватизации мощные советские заводы прежде всего *раздробили*, чем угробили единую технологическую базу, и вытолкали с них почти половину рабочих. Реформа привела к беспрецедентному технологическому регрессу. Спад производства произошел даже до того, как началась деградация материально-технической базы – из-за ухудшения *организации производства* (она также составляет элемент технологии). Примером служит самая рентабельная отрасль – *нефтедобыча*. После приватизации отрасли новые собственники получили обустроенные месторождения на пике их продуктивности, укомплектованные квалифицированными кадрами. Отрасль не имела финансовых проблем и затруднений со сбытом продукции. Однако в новых экономических условиях было почти полностью свернуто разведочное бурение на нефть, а производительность труда в нефтедобыче упала почти **в четыре раза** (см. рис. 3-1, 3-2).

Сходное положение в электроэнергетике. В этой высокотехнологичной и хорошо организованной отрасли производительность труда упала в два раза и сейчас остается ниже уровня 1970 г., хотя никаких неблагоприятных воздействий природного или техногенного характера отрасль не испытала. В 1970 г. на одного работни-

ка приходилось 1,30 млн. кВт-часов отпущенной электроэнергии, в 1989 г. 2,11 млн. кВт-часов, а в 2004 г. 1,07 млн. кВт-часов (см. рис. 3-3).

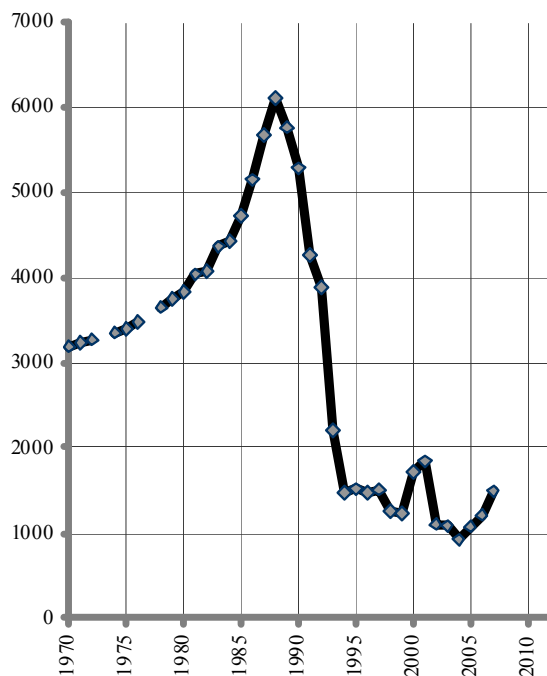

Рис. 3-1. Глубокое разведочное бурение на нефть и газ в России, тыс. м.

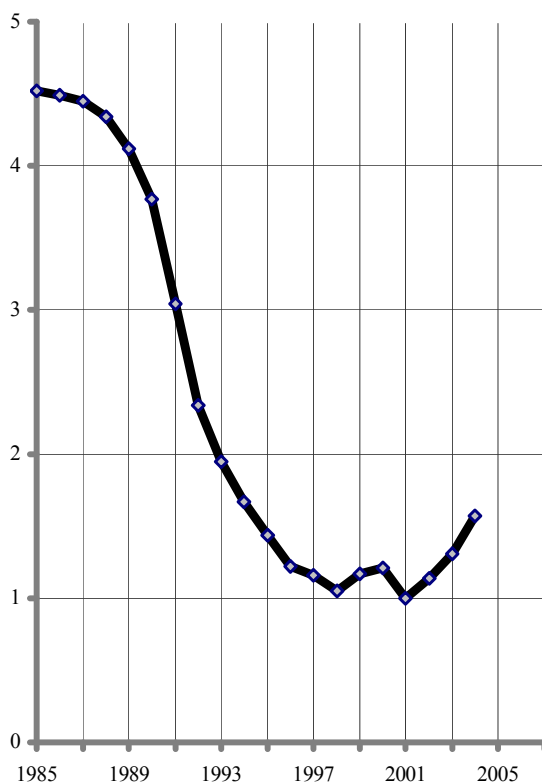

Рис. 3-2. Производительность труда в нефтедобывающей промышленности России, т добытой нефти на 1 занятого.

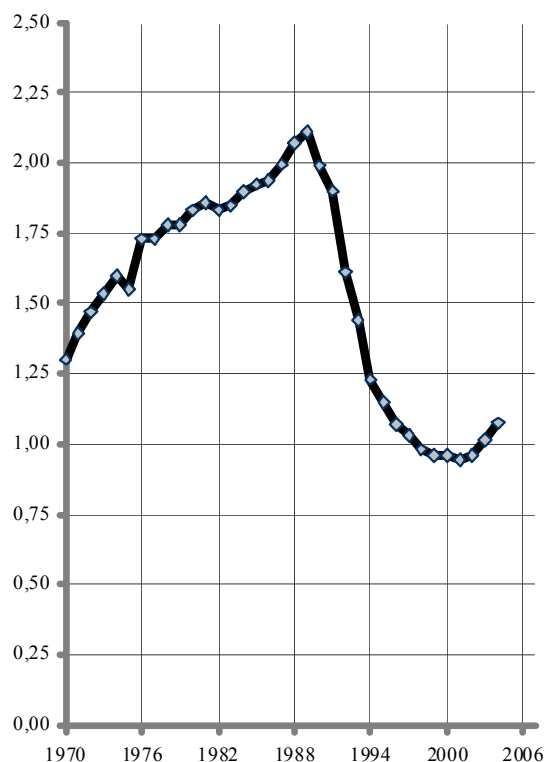

Рис. 3-3. Производительность труда в электроэнергетике РСФСР и РФ (выработка электроэнергии в млн. кВт-час на 1 работника промышленно-производственного персонала).

Демонтаж промышленности продолжается. Это видно из темпа, в котором промышленность продолжает терять работников. Число занятых в обрабатывающей промышленности только за 2003–2006 гг. сократилось на 1,1 млн. человек (на 10%). Самый тяжелый ущерб понесло ядро промышленности – *машиностроение*. Индекс производства стал после 1999 года расти, однако стоимостные показатели производства скрывают продолжающийся процесс сокращения производственного *потенциала* отрасли. Этот процесс выражается в динамике утраты кадров машиностроения как большой системы (рис. 3-4).

Система профессионального обучения готовит в основном персонал для сферы обслуживания. В 2005 г. в РФ было подготовлено всего 600 рабочих для химической промышленности. К тому же идеологическое воздействие на молодежь сделало статус промышленного рабочего для молодых людей почти неприемлемым – сегодня лишь 3–4% старшеклассников ориентированы на получение рабочих профессий.

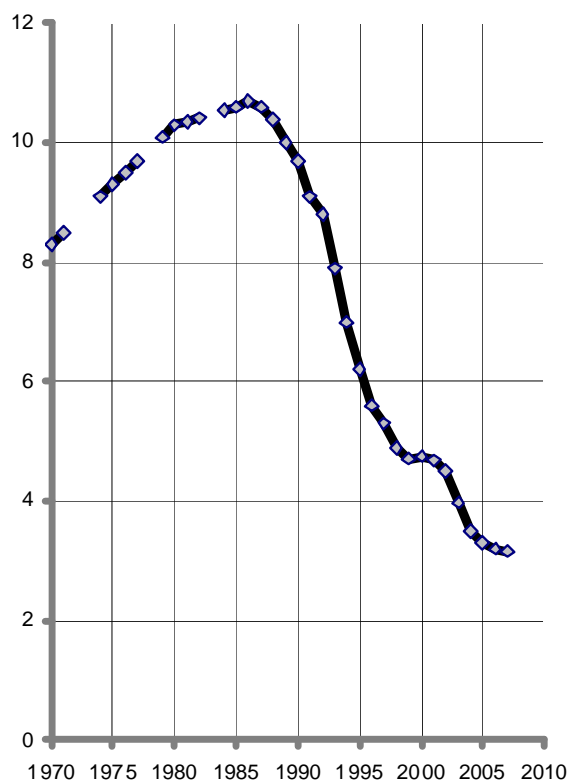

Рис. 3-4. Среднегодовая численность работников организаций в машиностроении (сумма подотраслей «производство машин и оборудования», «производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования», «производство транспортных средств и оборудования») в России, млн. человек.

Надо заметить, что деиндустриализация происходит не только в промышленности. Все хозяйство РФ теряет важные черты индустриального уклада. Этот процесс особенно затронул вторую по масштабам сферу экономики – сельское хозяйство. В ходе реформы «село отступило на подворья» – демонтаж колхозно-совхозной системы выбросил из крупных механизированных предприятий огромную массу работников. Большая их часть занялась низкопродуктивным ручным трудом в «хозяйствах населения».

Этот массивный процесс характеризуется быстрым сокращением энергетических мощностей сельского хозяйства, резким снижением использования электроэнергии для производственных целей, катастрофическим уменьшением тракторного парка и сокращением числа работников сельскохозяйственных предпри-

ятий. Эти предприятия уже в 2001–2006 гг. потеряли 2,5 млн. работников (30% от уровня 1990 года).

Динамика процесса представлена на рис. 3-5 ... 3-8.

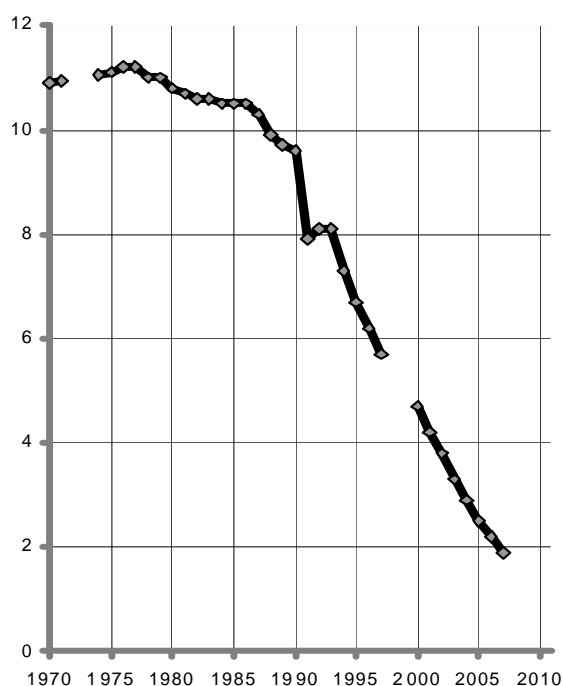

Рис. 3-5. Число работников в сельскохозяйственных организациях России, млн.

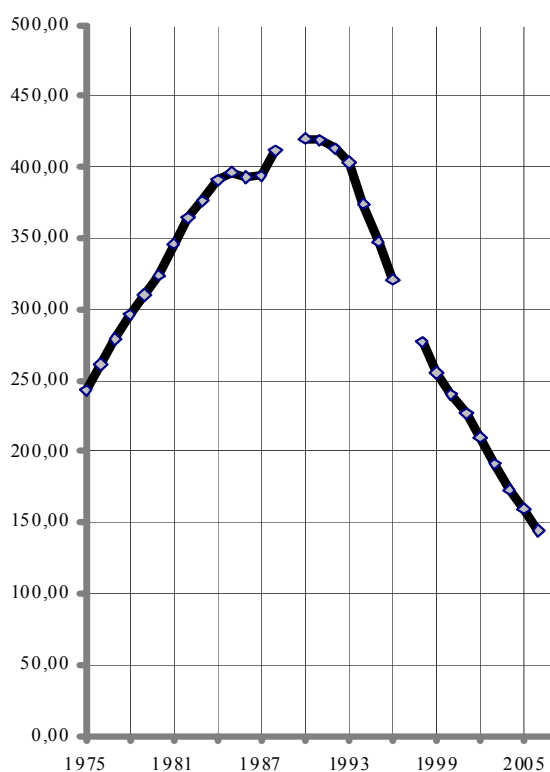

Рис. 3-6. Энергетические мощности сельскохозяйственных организаций России, млн. л.с.

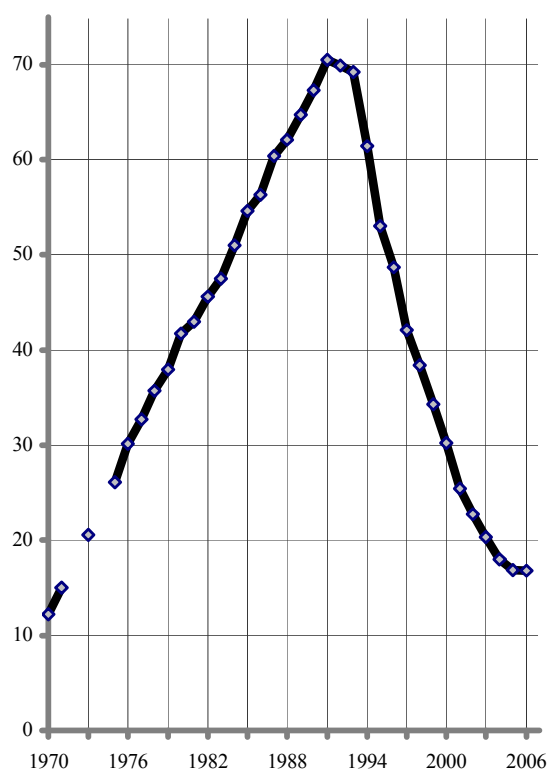

Рис. 3-7. Потребление электроэнергии на производственные цели в сельскохозяйственных предприятиях России, млрд. кВт-ч. (после 2005 г. показатель включает в себя потребление электроэнергии также в отраслях «охота и лесное хозяйство», так что вычленить собственно сельское хозяйство невозможно).

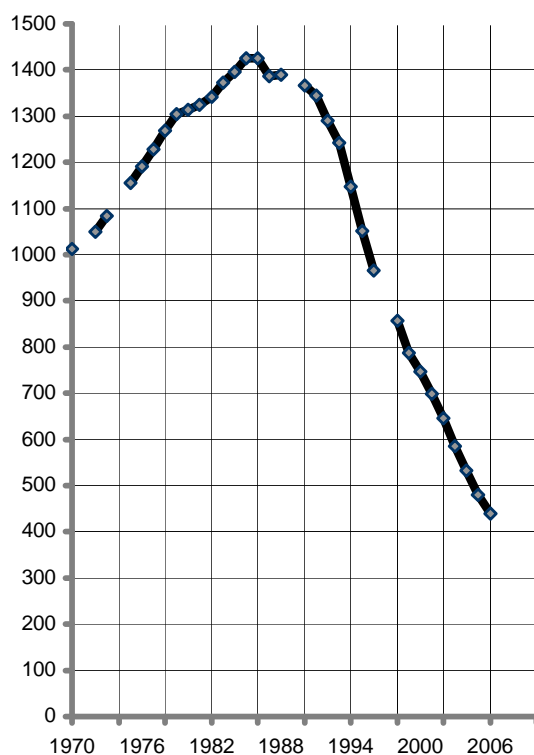

Рис. 3-8. Парк тракторов в сельскохозяйственных организациях России, тыс.

Регресс продолжается и приобретает черты *архаизации*. В 15 раз сократилось известкование кислых почв, в 265 раз гипсование солонцовых почв, в 8 раз уменьшилось внесение минеральных удобрений под посевы в сельскохозяйственных организациях.

Износ основных фондов страны. Износ основных фондов больших технических систем России представляет собой *массивный неумолимый процесс*, запущенный в 1991–1992 годах. Он до сих пор не только не остановлен, но даже не замедлен в заметной степени. Тот факт, что блокировать его не удалось даже при чрезвычайно благоприятной для РФ конъюнктуре на нефтяном рынке, говорит о фундаментальном характере этой угрозы.

Вплоть до 1991 г. в РСФСР производились крупные и возрастающие капиталовложения в основные фонды всех отраслей хозяйства. В 1991 г. они резко сократились и падали вплоть до 1999 года. Затем начался подъем примерно в том же темпе, как в 1975–1985 гг., и в 2006 г. размеры капиталовложений приблизились к уровню 1975 года (рис. 3-9).

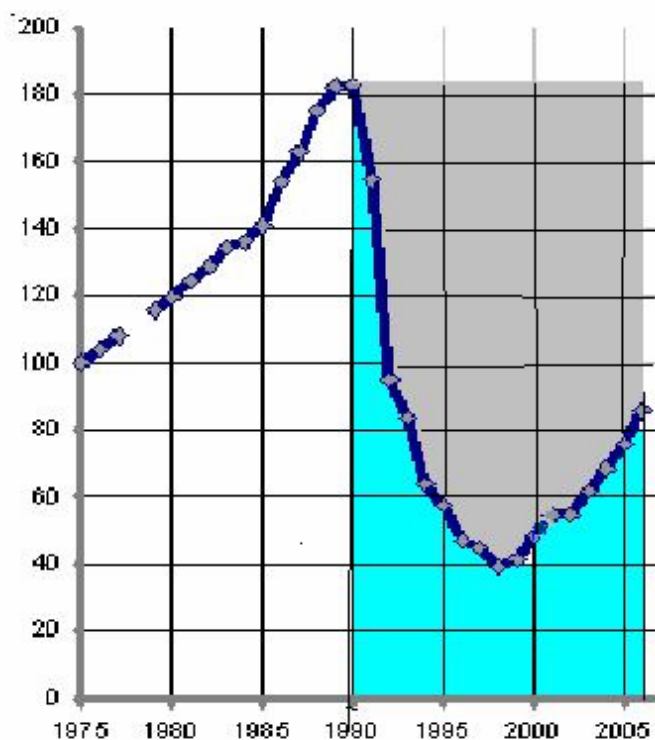

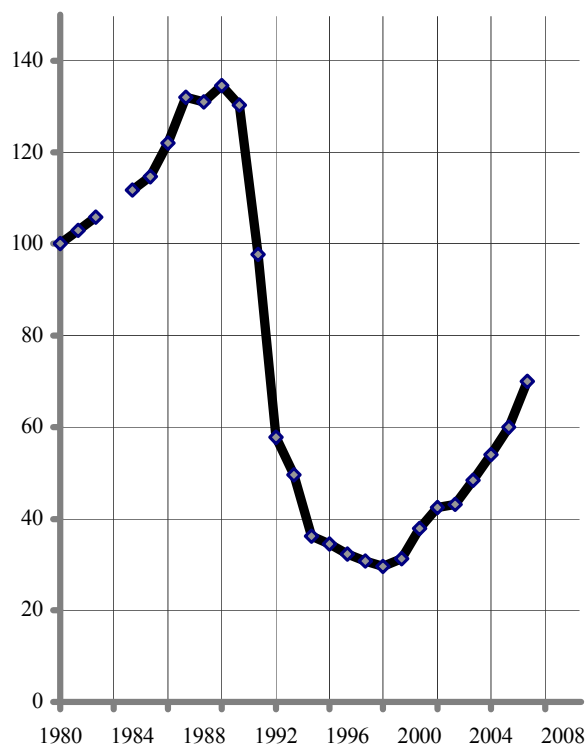
Рис. 3-9. Капитальные вложения в РСФСР и РФ (в сопоставимых ценах, 1975 = 100).

Однако за годы реформы произошло колоссальное «недовложение» средств в основные фонды страны. Исходя из данных ЦСУ РСФСР (признанных Госкомстатом РФ) и данных Росстата, можно представить динамику капиталовложений за 1975–2006 годы и сделать такой расчет. Если принять за стандарт инвестиции в основные фонды РФ 1990 года, – так, чтобы они до 2006 г. оставались неизменными, – то недовложение инвестиций за 1991–2006 гг. (серая зона над кривой) составило бы 86230 млрд. руб. в ценах 2005 года. Это следует из того, что капиталовложения 2005 г. в РФ составили 3534 млрд. руб., а площадь «серой зоны» в 24,4 раза больше капиталовложений 2005 года.

Таким образом, даже если бы после 1990 года инвестиции не росли, как в 80-е годы, а были заморожены на этом уровне, недовложения инвестиций за 1991–2006 годы составляет около 3519 млрд. долларов по курсу начала 2008 года. Три с половиной триллиона долларов!

Таковы изъятия из хозяйства средств, которые были предназначены для содержания (воспроизводства) и развития материально-технической базы России. Вследствие этих изъятий резко снизился темп обновления основных фондов, динамику которого за 1980–2006 годы можно посчитать исходя из данных тех же источников (рис. 3-10). В результате резко ускорился износ основных фондов – как из-за плохого содержания, так и вследствие морального старения техники.

Здесь надо сделать отступление общего характера. Жизнь страны требует деятельности, в которой неразрывно связаны два разных вида – *создание* и *сохранение*. В нашем обществе уже за годы перестройки из сознания была изъята категория *сохранения*. Много и конкретно говорилось о разрушении, туманно – о созидании. Ничего – о сохранении. Этот провал – тяжелое поражение сознания, реформа 90-х годов его закрепила и усугубила. Оно касается, в общем, всех классов объектов, которые общество создает, а ныне действующее поколение обязано сохранять.

**Рис. 3-10. Ввод в действие основных фондов
(в сопоставимых ценах, 1980 = 100).**

Разрушается все культурное пространство России. Изъято из оборота 42 млн. га посевных площадей (рис. 3-11). Треть земли, которую возделывали много поколений наших предков, продукт нашей культуры, на глазах дичает. Год за годом превращается в пустырь культурное поле, с необъяснимым равнодушием смотрят на это государство и общество.

В рамках национального проекта фермерам дают кредиты на покупку телят, за год поставили 50 тысяч голов. Это 0,5% от ежегодной убыли крупного рогатого скота в РФ (рис. 3-12). Реформа создала условия, не позволяющие содержать племенной скот. Скот – одна из главных составляющих основных фондов сельского хозяйства. Это огромное национальное достояние. Надо же разобратся в причинах его неуклонного разрушения! Но об этом гласно вообще никто вопроса не поднимал.

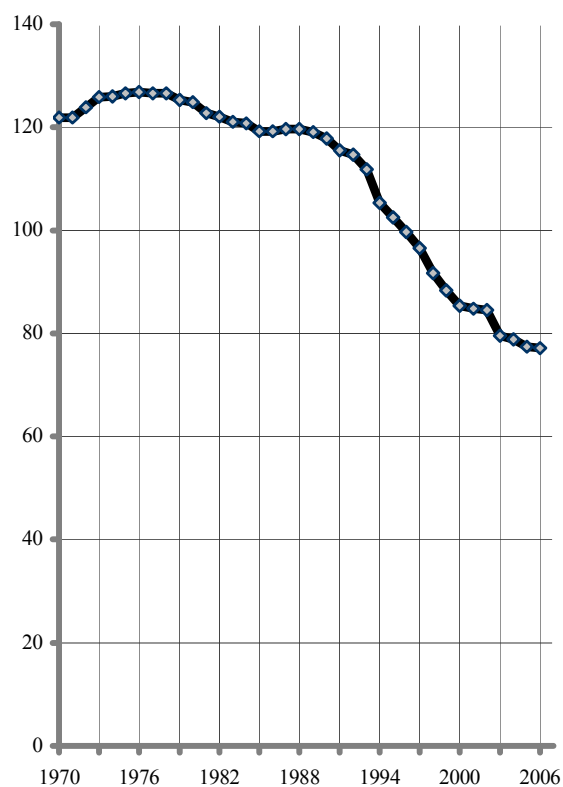

Рис. 3-11. Посевные площади всех сельскохозяйственных культур в России в хозяйствах всех категорий, млн. га.

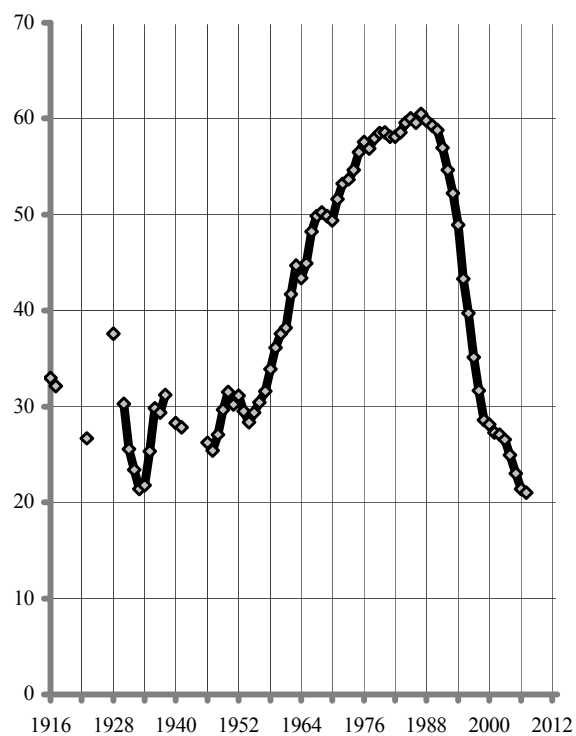

Рис. 3-12. поголовье крупного рогатого скота в России в хозяйствах всех категорий (на 1 января, млн. голов).

В Послании В.В. Путина 2007 года говорится о необходимости развития речных перевозок. Но эта отрасль совсем недавно *была* очень развита – имелся большой речной флот, предприятия по его содержанию и ремонту, обустроенные в масштабах всей страны пристани и фарватеры, квалифицированные кадры. Была профессиональная культура. В 90-е годы были созданы условия (экономические, социальные, культурные), несовместимые с существованием этой отрасли – и перевозки грузов внутренним водным транспортом сократились в 6 раз, с перевозкой пассажиров еще хуже. Какой же смысл вкладывать деньги в повторное развитие отрасли, если причины краха не названы и не устранены²⁰.

Как же объяснить тот факт, что причины деградации культурного пространства не выявляются, не устраняются и даже не становятся предметом обсуждения? Более того, говорится, что кризис позади и мы вступаем в период развития. Само это утверждение должно было бы вызвать удивление, если бы была учтена динамика деградации производственной базы. Упор делают на рост ВВП. Но если из-за отсутствия надлежащего ухода и ремонта происходит аномальный износ или разрушение основных фондов, это следует считать «*производством валового внутреннего ущерба*» («антипродукта»). Эту величину следовало бы **вычитать** из ВВП. Попробуйте пересчитать ВВП РФ с учетом ненормативной деградации национального достояния!

Перед нами – большая проблема. Утрата важных блоков общественного сознания и культуры сопровождается ликвидацией административных механизмов, которые автоматически заставляли эти блоки действовать (таким механизмом был в том числе и *план*). Это было уже столь привычно, что сохранение и ремонт основных фондов выполнялись как бы сами собой, без усилий разума и памяти. Сейчас нужна большая программа реабилитации.

²⁰ Речной транспорт – один из множества структурно схожих примеров. Так, в РФ за годы реформы было закрыто 73% аэропортов (в 1992 г. их было 1302, в 2007 г. 351). Пространство страны, связанное воздушным транспортом, рассыпано на изолированные клочки.

Отношение, которое в ходе реформ было проявлено к отечественной промышленности, поразило иностранных специалистов во всем мире. Огромные производственные мощности были омертвлены и брошены на произвол судьбы, провал был колоссальным. Особенно пострадала активная часть основных фондов – машины и оборудование. Старение технической базы промышленности не было приостановлено даже в 2000–2005 годы. Мы видим, что значительные финансовые поступления от продажи нефти совершенно не сказались на темпах старения (рис. 3-13).

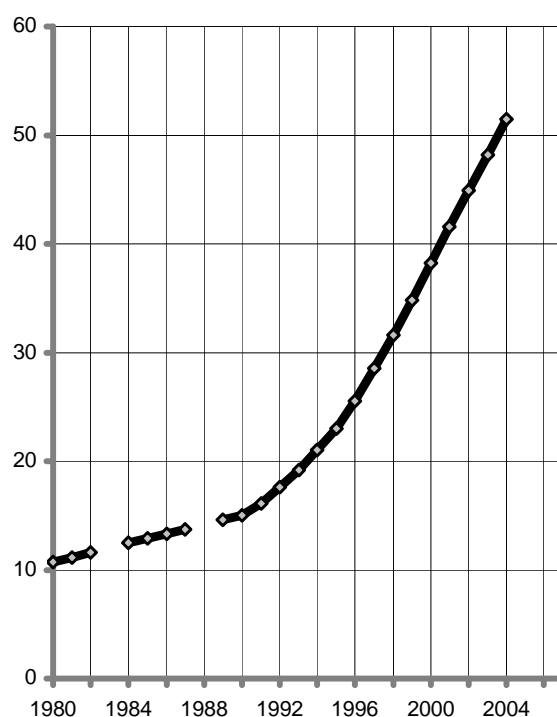

Рис. 3-13. Доля производственного оборудования в промышленности РФ, имеющего возраст более 20 лет, %.

В обрабатывающей промышленности машины и оборудование составляют (по стоимости) 53,7% основных фондов, и степень износа этой части в 2006 г. была равна 46,8%. Полностью изношено в обрабатывающей промышленности было 15,3% основных фондов (а в целом по промышленности 21,5%). В строительстве доля машин с истекшим сроком службы составляет: у скреперов 72%, у башенных кранов 69%, у кранов на гусеничном ходу 54%.

На железных дорогах в 1997 году 12,7% главного пути было уложено выработавшими свой ресурс рельсами, а 7% – дефектными рельсами. В эксплуатации было 13,5 тыс. (7%) дефектных стрелок. Критического уровня достиг износ грузовых вагонов, что привело к их массовому выбыванию. Ситуация была стабилизирована (при значительной нехватке вагонов) лишь в 2001 году (рис. 3-14).

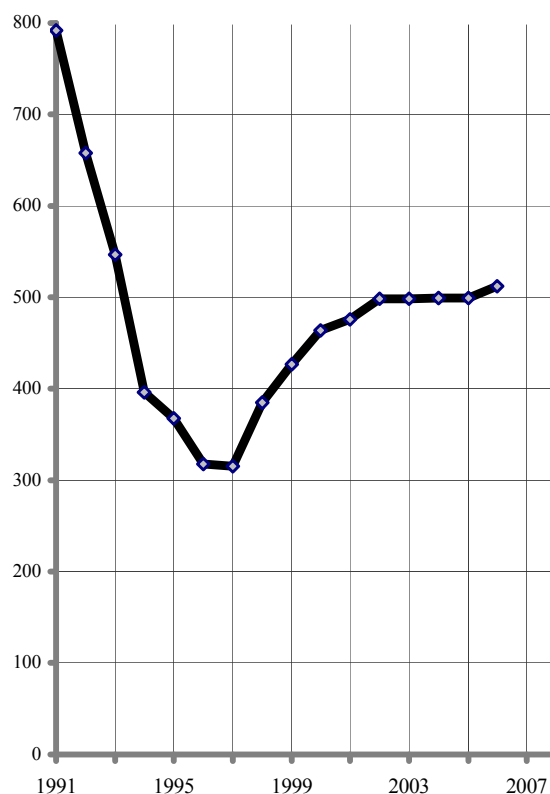

Рис. 3-14. Рабочий парк грузовых железнодорожных вагонов (в среднем в сутки), тыс. штук.

Резко снизился объем строительства новых дорог общего пользования. За пятилетку 1986–1990 гг. было построено и введено в действие 169 тыс. км автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, а за пятилетку 2002–2006 гг. – 13 тыс. км таких дорог.

Идет быстрое выбывание тех производственных мощностей, которые долгое время оставались незагруженными из-за отсутствия платежеспособного спроса. Примером служит тракторостроение. Производственные мощности этой отрасли машиностроения к концу 2007 года сократились почти в 4 раза (рис. 3-15).

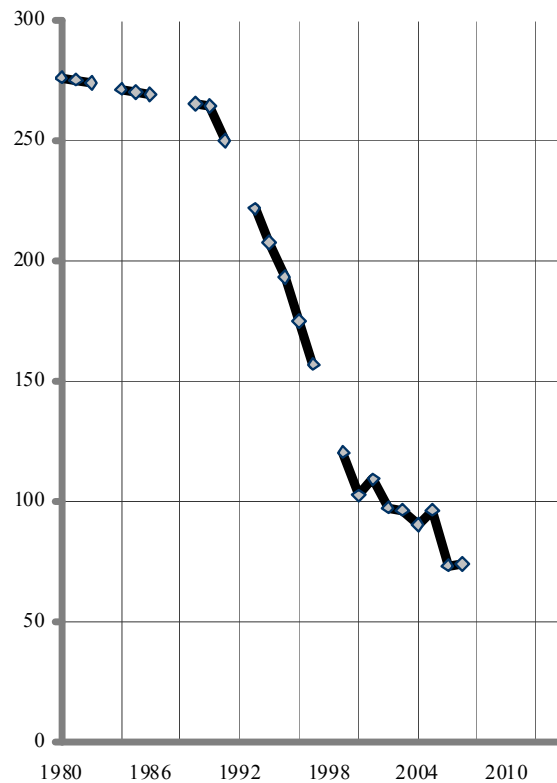

Рис. 3-15. Сокращение производственных мощностей тракторостроения России (тыс. тракторов в год).

Часть техносферы, состояние которой непосредственно определяет не просто благополучие, но даже и удовлетворение самых примитивных потребностей человека – ЖКХ, основные фонды которого составляют почти треть всех основных фондов России. Его состояние стало сегодня критической социальной проблемой в РФ. Прогрессирующий износ больших систем жизнеобеспечения, составляющих ЖКХ (жилищного фонда, тепло- и водоснабжения), угрожает жизненным интересам подавляющего большинства населения России.

Старение жилищного фонда России, быстрый переход его в категорию ветхого и аварийного ставит под угрозу даже физическую безопасность многих жителей РФ: по данным Росстроя, на 2005 г. общий износ основных фондов в ЖКХ составил более 60%, а четверть основных фондов уже полностью отслужила свой срок. Недавно опубликована такая справка: в РФ «62,1% жилищного фонда старше 30 лет. Более 300 млн. кв. м (11% всего жилищного фонда) нуждается в неотложном капитальном ремонте». Реакция и

общества, и государства на эту угрозу неадекватна, что стало фактором углубления кризиса ЖКХ.

Обратим внимание на поразительный факт. По данным Госкомстата, в РФ **на конец 2001 года** было 90 млн. кв. м аварийного и ветхого жилья или 3,1% всего жилищного фонда РФ. После этого вплоть до 2007 года Госкомстат не публиковал данных об аварийном и ветхом жилье. Однако такие данные давались в заявлениях официальных лиц. Так, председатель Госстроя РФ Н. Кошман 8 апреля 2003 г. сообщил прессе: «Идет старение жилья. В этом году в состояние ветхого и аварийного жилья перешло 22 миллиона квадратных метров».

9–11 февраля 2004 г. Госстрой России, Министерство жилищного строительства и городского развития США и Всемирный банк провели в Дубне международный семинар, на котором выступали зам. премьер-министра РФ В. Яковлев, председатель Госстроя РФ Н. Кошман, зам. министра экономики А. Дворкович. Главный доклад сделал зам. председателя Госстроя В. Пономарев. В пресс-релизе семинара сказано, что **«ветхий и аварийный фонд ежегодно растет на 40%»**.

Простой подсчет показывает, что если скорость старения после 2001 г. принципиально не изменилась, то к концу 2006 г. категория ветхого и аварийного жилья должна была бы составить около 400–500 млн. кв. м или 14–16% всего жилфонда РФ. Ведь масштабы сноса ветхих домов очень невелики. Счетная палата отмечает в 2005 г.: «Ликвидировано за указанный период [2002–2004 гг.] ветхого и аварийного жилищного фонда 630,4 тыс. кв. м при плане 2406,0 тыс. кв. м, выполнение составило 26,2%».

Итак, **за три года** снесено ветхих жилых домов площадью 0,63 млн. кв. м – 0,008% от имеющегося жилищного фонда и 0,7% от официально объявленного объема ветхого и аварийного фонда. Это величина пренебрежимо малая, и можно считать, что ветхий и аварийный жилищный фонд практически не сносится и объемы его не уменьшаются, а лишь приращиваются.

Величина 400–500 млн. кв. м ветхого и аварийного жилья *правдоподобна*, хотя наверняка неточная – мы можем сделать лишь грубую прикидку. Вот косвенные доводы на этот счет. Говорится, например, что в Москве ситуация лучше, чем в остальных регионах – здесь фирмы охотно сносят ветхое жилье и застраивают участки большими новыми домами. В мэрии Москвы недавно сообщили корреспонденту «RBC daily»: «В ветхом состоянии у нас находится 28 млн. кв. м жилья при общем размере жилого фонда 200 млн. кв. м».

Итак, в Москве, где положение лучше всего в РФ, ветхое жилье составляет 14% жилищного фонда. Согласно «Российской газете» от 2 марта 2007 г., «количество ветхих и аварийных домов в Дагестане составляет 26% жилищного фонда». Таков диапазон на начало 2007 г.: от 14 до 26% жилищного фонда РФ – ветхий и аварийный.

Что же говорят должностные лица, отвечающие за состояние ЖКХ России в целом? В феврале 2006 г. Министр регионального развития РФ В. Яковлев сообщил: «Сегодня в стране насчитывается более 93 млн. кв. м ветхого и аварийного жилья». Эти же данные приводит и Росстат. Более того, резкие и никак не объясненные изменения в динамике величин не вызывают вопросов даже у контролирующих органов.

Вот Отчет Счетной палаты о ходе программы переселения граждан из ветхого и аварийного жилья²¹. Здесь сказано: «По состоянию на 1 января 2000 года суммарная площадь ветхого и аварийного жилья в Российской Федерации составляла 49,78 млн. кв. м (1,8% в общем объеме жилищного фонда России), в том числе аварийный жилищный фонд – 8,24 млн. кв. м, ветхий жилищный фонд – 41,54 млн. кв. метров ... К концу 2003 года он [ветхий и аварийный жилищный фонд] насчитывал 91,3 млн. кв. м».

²¹ Отчет о проверке эффективности и целевого использования государственных капитальных вложений за 2003–2004 годы, выделенных на реализацию подпрограммы «Переселение граждан Российской Федерации из ветхого и аварийного жилищного фонда», входящей в состав федеральной целевой программы «Жилище» – www.ach.gov.ru/bulletins/2005/arch12/04.

В приведенной здесь же таблице Госкомстата мы видим, что после 1999 г. начался резкий рост объема ветхого и аварийного жилья – от 50 млн. кв. м в 2000 г. он вырос до 90 млн. в конце 2001 г. Этот рост имеет свои объяснения, которые не раз приводило руководство Госстроя РФ. Динамика этого роста представлена на рис. 3-16.

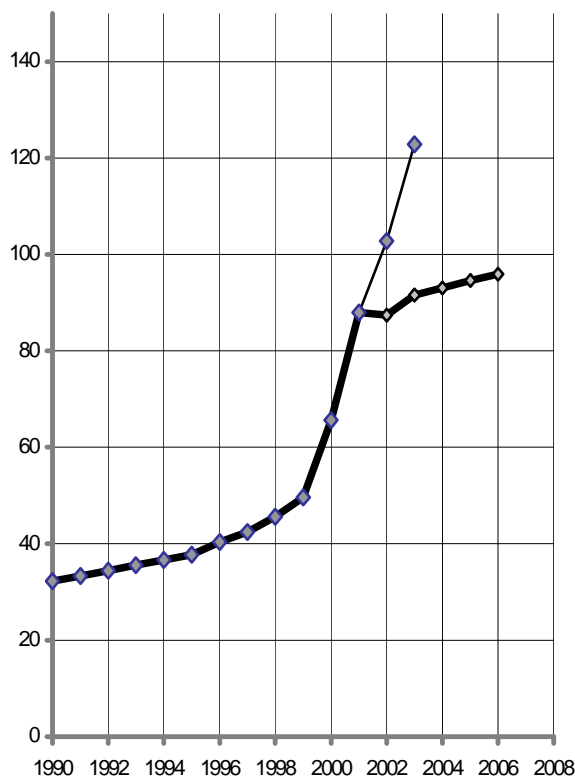

Рис. 3-16. Ветхий и аварийный жилищный фонд в РФ, млн. м²
(данные за 2002–2003 гг., обозначенные тонкой линией,
взяты из интервью должностных лиц).

Но после 2001 г., вплоть до настоящего времени практически никакого прироста этого объема *как будто не происходит*. Как аудиторы Счетной палаты могли не заметить этого странного явления? За 2000–2001 годы в разряд ветхого и аварийного жилья перешло 40 млн. кв. м, а за 2002–2003 годы только 1,3 млн. кв. м, – в 30 раз меньше! Как мог за эти два года остановиться процесс ветшания старых домов?

Вероятно, резкое изменение динамики старения жилищного фонда, в котором пороговой точкой стал 1999 год, побудило правительство пересмотреть *критерии* отнесения жилых домов к ка-

тегории ветхих и аварийных. То, что раньше считалось аварийным и ветхим, теперь «вернулось» в строй нормальных домов, пригодных для проживания. Это было оформлено Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 2003 года № 552 «Об утверждении Положения о порядке признания жилых домов (жилых помещений) непригодными для проживания».

Во исполнение указанного постановления Правительства Госстрой РФ принял постановление от 20 февраля 2004 года № 10 «Об утверждении критериев и технических условий отнесения жилых домов (жилых помещений) к категории ветхих или аварийных». Это Постановление гласит: ... 2. Не применять на территории Российской Федерации Приказ Министерства жилищно-коммунального хозяйства РСФСР от 05.11.1985 N 529 «Об утверждении Положения по оценке непригодности жилых домов и жилых помещений государственного и общественного жилищного фонда для постоянного проживания»²².

Согласно этим новым критериям, ветшание жилищного фонда резко замедлилось (с 40% до 2% в год). Однако практические работники местных властей (например, правительства Москвы), непосредственно имеющие дело с реальностью, продолжают пользоваться старыми критериями и прессе сообщают соответствующие им величины.

Такое искажение реальности – признак общей деградации культуры управления и утраты чувствительности к количественной мере самых актуальных явлений. Это продолжается и поныне. В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации» (октябрь 2007 г.) сказано: «Достижению целевых параметров обеспеченности населения жильем препятствует необходимость быстрого выведения из оборота жилья ветхого и аварийного фонда (по данным Росстата, 95 млн. кв. м на начало 2006 года, с тенденцией ежегодного роста на 2 млн. кв.м.)».

²² Счетная палата вскользь делает странное замечание: «Минюстом России письмом от 23 апреля 2004 года № 07/4174-ЮД отказано в государственной регистрации данного постановления».

В своем интервью 5 октября 2006 г. замминистра Ю. Тыртышов сделал два важных утверждения: «Потребность в капитальном ремонте составляет 144 млн. кв. м в год при произведенных в 2005 г. 30 млн. кв. м ... Главное – это объяснить и помочь людям осознать, что состояние их жилья – это их ответственность, а не мэра и губернатора».

Разберем обе части этого заявления.

В первой части утверждается, что в 2005 г. капитально отремонтировано 30 млн. кв. м жилья. А вот «Российский статистический ежегодник. Официальное издание. 2006» (М., Росстат, 2006). На стр. 209 дана таблица 6.44 – «Основные показатели жилищных условий населения». В ней есть строка «Капитально отремонтировано жилых домов за год, тыс. кв. м общей площади». В столбце за 2005 г. стоит: 5552, то есть не 30, а 5,5 млн. кв. м. В 2006 г. еще меньше – 5,3 млн. кв. м. Это слишком уж большая разница с тем, что говорит замминистра – почти в шесть раз!

Но главное даже не это. Выражение «Потребность в капитальном ремонте составляет 144 млн. кв. м в год» имеет смысл, только если такая доля жилищного фонда ремонтируется *регулярно каждый год*. Потребность в ремонте на 2005 г. – это *144 млн. кв. м плюс величина «отложенного» ремонта*, и чем больше срок, на который отложен ремонт, тем более чрезвычайной становится эта потребность.

В РФ ежегодно должен проводиться капитальный ремонт 4–5% фонда. Однако в течение последних лет ремонтируется около 0,2% городского жилищного фонда в год – в 20–25 раз меньше необходимого. Накопленное отставание огромно, и теперь оплатить ремонт не под силу ни государству, ни населению.

Если считать, что с 1991 г. должен был выполняться этот норматив, то величина ремонта, отложенного за 1991–2006 годы, составляет 2,2 млрд. кв. м. С 1991 г. капитальный ремонт жилищного фонда России был практически прекращен (рис. 3-17). Деградация основных фондов ЖКХ стала массивным неумолимым процессом, который не удается затормозить. В России нарождается *цивилизация трущоб*.

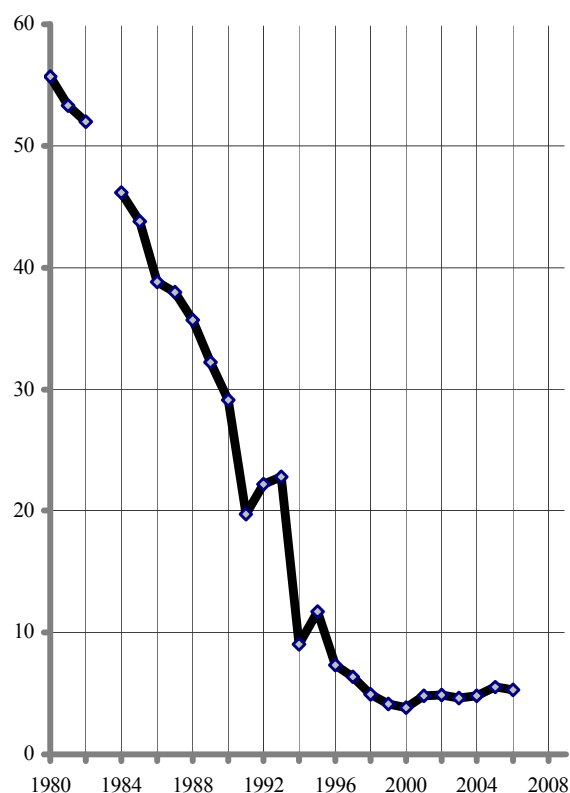

Рис. 3-17. Капитально отремонтировано жилых домов, млн. м².

Второе важное заявление замминистра заключается в том, что главное в проблеме ветхого жилья – «объяснить и помочь людям осознать, что состояние их жилья – это *их ответственность*, а не мэра и губернатора». Это совершенно новая принципиальная постановка вопроса. Когда и где было принято решение о том, что теперь стоимость капитального ремонта полностью возлагается на население? Ведь это было бы немислимым изменением в социальной политике государства.

В октябре 2007 г. Ассоциация строителей России и Союз инженеров-сметчиков разработали нормативы стоимости капитального ремонта многоквартирных жилых домов по всем регионам России в прогнозных ценах 2008 года. Согласно этим нормативам, средняя стоимость капитального ремонта по РФ составит **19,5 тыс. рублей за 1 кв. метр**. Таким образом, отложенный капитальный ремонт жилищного фонда РФ в ценах 2008 года стоит уже около 40 триллионов рублей.

На уровне отдельной семьи проблема выглядит так. В среднем на жителя РФ приходится по 20 кв. м общей площади квартиры. Значит, на семью из 4 человек – 80 кв. м. Эта семья должна будет заплатить за капитальный ремонт дома 1,56 млн. руб. При средней зарплате в 15 тыс. руб. это означает, что глава семьи должен заплатить за ремонт *весь свой заработок за 8 лет*. Это, очевидно, не представляется возможным.

Несоизмеримость средств и проблемы – общее явление всей РФ. В Послании 2007 года В.В. Путин сказал о выделении 150 млрд. рублей на капитальный ремонт жилищного фонда – на 5 лет. На 30 млрд. руб. в год можно отремонтировать 1,5 млн. кв. м жилья. А только в *неотложном* ремонте, по официальным данным, нуждается 300 млн. кв. м. Значит, выделенные средства эквивалентны 0,5% усилий, которые государство обязано сделать срочно, в аварийном порядке. А если брать проблему в полной мере «отложенного» ремонта, то это 0,02%²³.

Большие технические системы, которые в стабильном режиме считаются частью экономики, по достижении порогового износа становятся источниками опасности. Их содержание превращается в проблему *государственной безопасности*. Пример источника очевидной опасности – аварийный жилой дом или изношенная до предела магистраль теплоснабжения.

Практически во всех случаях ассигнования на поддержание больших систем *несоизмеримы* с масштабами и темпом их износа. В условиях хозяйствования, которые были созданы в 90-е годы, никакой социальный субъект в РФ не может мобилизовать средства, достаточные для восстановления и содержания больших систем. Таким образом, «замораживание кризиса» и стабилизация общества после 2000 г. не означают, что удалось блокировать массивные процессы деградации, запущенные в ходе «революции регресса» 90-х годов. Чтобы остановить их маховик, требуется целый комплекс *целевых программ*.

²³ Для примера – стоимость «отложенного» капитального ремонта жилищного фонда Санкт-Петербурга уже составляет 7 годовых бюджетов города – около 275 млрд. руб.

Глава 4.1. ЧТО МЫ УНАСЛЕДОВАЛИ. ТИП СОВЕТСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ЕГО БОЛЬШИХ СИСТЕМ

Советское хозяйство представляло собой особый тип хозяйства традиционного общества, основанный на антропологии и культуре общинного русского крестьянина. Главные черты и вектор развития этого типа хозяйства сложились задолго до революции 1917 г., а после 1905–1907 гг. были дополнены идеями модернизации и развития, созревшими в рамках проекта Просвещения и привнесенными в российскую культуру марксизмом (и, в меньшей степени, либерализмом).

В первом приближении советский строй – это *некапиталистический* уклад жизнеустройства в индустриально развитом обществе СССР, распространенный столь широко, что общество могло воспроизводиться на его основе. Этим он отличается от некапиталистических форм жизни в «реликтовых» аграрных обществах и от маргинальных укладов, существующих в капиталистическом обществе («альтернативная» экономика, «новое ремесленничество», религиозные коммуны, криминальное хозяйство и т.д.).

Экономическая теория (политэкономия) принципиально не изучала хозяйства такого типа. То хозяйство, которое реально создавалось в СССР, было насильно втиснуто в непригодные для него понятийные структуры «политической экономии социализма». Советское хозяйство в главной своей сути было объяснено советским обществоведением *неверно*.

К несчастью, в советский марксизм не удалось включить теории некапиталистических систем хозяйства (например, А.В. Чаянова), и было создано устойчивое мнение, будто частная собственность на средства производства предопределяет тип хозяйства как капитализма. Это глубокое заблуждение: существует обширный класс предприятий (малые предприятия в промышленности и сфе-

ре услуг, крестьянский двор на селе), которые при господстве капиталистической системы могут успешно с ней сосуществовать, вовсе не являясь «клеточками капитализма». Они могут успешно функционировать в разных экономических формациях, «мимикрируя» под господствующие уклады.

Иными словами, малое промышленное предприятие с частной собственностью на средства производства вполне могло бы функционировать и в советской системе, и в нынешней российской; этому препятствовала и препятствует именно надстройка системы (представления марксизма в СССР и представления либерализма в РФ).

Другой важный эмпирический факт состоит в том, что ряд советских систем был с успехом перенесен и адаптирован в разных культурных условиях обществ, которые относятся к «рыночным». Примером служит созданная в СССР система централизованного теплоснабжения от ТЭЦ. В 90-е годы XX века она стала все шире внедряться в странах Запада, несмотря на трудности, создаваемые частной собственностью на городскую землю. Так, известный рост энергоэффективности в Дании достигнут в основном за счет поощрения государством переоборудования в ТЭЦ котельных и строительства новых ТЭЦ. Там проводится специальная государственная политика по стимулированию подключения к централизованному теплоснабжению новых потребителей тепла. В Германии также быстрыми темпами развивается централизованное теплоснабжение на базе теплофикации. Консультант Всемирного Банка финн Пекка Коури пишет: «Централизованное теплоснабжение занимает прочное положение в качестве основного способа отопления финских городов. Из общего количества зданий 45% обогреваются центральным отоплением». Даже президент США Клинтон в одном из обращений к стране отметил необходимость развития централизованного теплоснабжения.

Здесь мы выдвигаем следующий тезис: большие социо-технические системы советского типа, имеющие коммунальный характер, также могут сосуществовать с укладами рыночной экономики, осно-

ванными на частной собственности. Только в этом случае такая экономика и государство могут приобрести социальный характер.

Этот тезис не слишком очевиден, но имеет серьезные основания. Советское хозяйство в важных отношениях исходило из тех принципов хозяйствования, которые были за много веков отобраны населением России из многих вариантов как наиболее пригодные в наших реальных природных и ресурсных условиях.

Советское хозяйство строилось (опять же, во многих отношениях) не по типу *рынка*, а по типу *семьи* – не на основе купли-продажи ресурсов, а на основе их *сложения*. Это позволяло вовлекать в хозяйство «бросовые» и «дремлющие» ресурсы, давало большую экономию на трансакциях и порождало хозяйственную мотивацию иного, нежели на рынке, типа.

Из устройства хозяйства как семьи вытекал и принцип – производить не для прибыли, а для *потребления*, и жить *по средствам*. В таком хозяйстве выгодно сращивание производства и быта (как в колхозе или на заводе с его «социальными службами»). Это переплетение, идущее от навыка общинной жизни, дает очень большую экономию. Отопление бросовым теплом ТЭЦ – один из примеров.

Благодаря этим особенностям хозяйства в тридцатые годы за десять лет Россия (СССР) провела индустриализацию и обеспечила ведение войны современной техникой, средствами существования-население, и даже ресурсами развития. С 1945 г. за десять лет СССР восстановил довоенный уровень населения и производства, стал второй ядерной и первой космической державой. Все это были задачи далеко не тривиальные.

Базовые материальные потребности населения удовлетворялись в СССР гораздо лучше, чем этого можно было бы достигнуть *при том же уровне развития*, но в условиях рыночной экономики.

В советском хозяйстве были спроектированы и построены большие технико-социальные системы жизнеустройства России, которые позволили ей вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма начала XX века, стать индустриальной и на-

учной державой и в исторически короткий срок подтянуть тип быта всего населения к уровню развитых стран. Мы не понимали масштабов и сложности этой задачи, потому что жили «внутри нее».

Сегодня, через 19 лет реформ, становится все очевиднее, что *иных* больших систем, которые заменили бы советские, построить в России уже не удастся. Место занято, и средств на это не будет! Можно расчленивать РАО ЕЭС или даже уничтожить ее, но построить иную, более эффективную энергетику («западного» типа), уже не выйдет. Истожили советскую систему здравоохранения – а новой так и не возникло²⁴. Оказалось возможным уничтожить советскую науку, но планы создания какой-то *иной* науки поражают своим ничтожеством.

Причины этого необходимо выявить и понять. Без этого не выработать разумного проекта будущей хозяйственной системы. Например, необходимо дать простое объяснение тому факту, что в колхозной системе было достаточно 11 тракторов на 1 тыс. га пашни (и при этом казалось даже, что у колхозов избыток тракторов), а в Западной Европе средняя норма – 120 тракторов на 1 тыс. га пашни. Разница слишком велика, чтобы свести причину к каким-то деталям.

Необходимо дать внятное объяснение и тому факту, что поддержание нынешнего хозяйства России, которое не обеспечивает даже простого воспроизводства населения страны, требует таких *колоссальных средств*. Хозяйство России стало бездонной бочкой.

Опыт конца XX и начала XXI века показал вполне надежно, что при господстве в жизнеустройстве России нынешнего «рыночного»

²⁴ Практика показала, что сделанные в начале рыночной реформы прогнозы, согласно которым частные медицинские учреждения могут стать в РФ реальной альтернативой для государственной системы здравоохранения, оказались ошибочными. В 2004 г. в РФ платных медицинских услуг населению было предоставлено всего на 610 руб. на душу населения, а по материалам выборочного обследования домашних хозяйств (то есть с «отсевом» самой богатой части населения) – на 325 руб. В 2006 г. в частных больничных учреждениях находилось 0,3% всех коек. В сельской местности в частных больницах в 2006 г. находилось всего 0,1% коек. Мощность негосударственных амбулаторно-поликлинических медицинских учреждений составила в 2006 г. около 3% от общей.

уклада она не сможет выжить как независимое многонациональное государство. При этом ее распад и всесторонняя деградация сильнее всего ударят именно по русскому народу, поскольку при этом он практически полностью утратит свою «цивилизационную» нишу.

Можно поэтому ожидать, что после более или менее длительного «рыночного хаоса» в России возобладает система различных форм некапиталистического уклада с восстановлением обновленных систем советского типа, пусть и с их мимикрией под капитализм. На этом пути есть шанс сохранения страны, культуры и народа.

При этом использование многих институтов и социальных технологий, созданных в странах капитализма, не меняет дела. Речь идет о сохранении «социокультурного генотипа» России, с которым вполне можно сделать совместимыми многие рыночные системы (как это сумели сделать, например, в Японии)²⁵.

Поясним эту проблему на примере одной из больших социотехнических систем. Подробно изучена судьба одной из важнейших в России систем жизнеобеспечения всех граждан страны, живущих в городах и поселках, – *теплоснабжения*²⁶. Это – большая отрасль народного хозяйства со сложной технологией производства, в которой работает 2 миллиона человек.

В ходе реформы, начатой в 1991 г., была предпринята попытка перестроить теплоснабжение как одну из *институциональных матриц*, несовместимых, по разумению реформаторов, с принципами рыночного общества. Отрасль была расчленена на множество независимых организаций, было проведено их акционирование. Государство стало «уходить из ЖКХ», сокращая долю бюджетных дотаций в содержании системы и перекладывая эти расходы на население.

²⁵ В мире существует целая категория обществ, подобных гермафродитам – по их «вторичным» признакам нельзя определить, являются ли они в сущности капиталистическими или маскируются под него. Для решения этого чисто академического вопроса нужно что-то вроде «хромосомного анализа».

²⁶ С. Кара-Мурза и С. Телегин. Царь-Холод или почему вымерзает Россия. М.: Алгоритм-книга. 2003.

«Жесткая» часть теплоснабжения, его материально-техническая база, поддавалась изменениям с трудом. Для таких изменений требовалось *строить* новые технические системы иного типа, а для этого не было ни средств, ни идей, ни воли. А кроме того, системы *иного типа* были неадекватны природно-климатическим условиям России. Здесь для отопления требуется совершенно другая интенсивность потока тепловой энергии, чем на Западе²⁷.

Главным изменением теплоснабжения в техническом плане стало резкое сокращение планового ремонта ТЭЦ, котельных и теплосетей. Назвав себя правопреемником СССР и приняв в наследство от него государственные теплосети протяженностью 183,3 тыс. км, государство РФ почти прекратило выделение средств для содержания этой технической системы.

Износ системы достиг критического уровня, число отказов и аварий стало нарастать в геометрической прогрессии. Как сказано в официальном документе, речь идет о техносферной катастрофе, приобретающей характер *национального бедствия*. Такова объективная реальность, которая является результатом исключительно действий и бездействия той власти, которая с 1991 г. проводит «рыночную реформу». Иных причин этой техносферной катастрофы не существует.

Нынешнее критическое состояние теплоснабжения уже имеет *объективный* характер и не может измениться в лучшую сторону само собой или под влиянием действий в сфере идеологии, расстановки кадров, форм собственности и т.д. Вышли из-под контроля процессы, подчиняющиеся законам *движения материи* (снижение прочности и разрывы труб в результате коррозии). Взять эти процессы снова под контроль можно только действиями в материальной сфере – в сфере труб, задвижек, насосов и котлов.

²⁷ Суммарные поставки тепла в России составляют более 2 млрд. Гкал/год (более половины идет на отопление), что эквивалентно 2,5 триллионов кВт/час электрической энергии. Если представить себе, что в России действительно было бы реализовано предложение перевести отопление России, «как на Западе», на электрические автономные нагреватели, то это стоило бы населению 5 триллионов руб. или 208 млрд. долларов в год (при цене 1 кВт/часа 4 руб.).

Между тем, план действий правительства сводится к полному разгосударствлению теплоснабжения и его переводу на рыночную основу – передаче ЖКХ в ведение местных властей, установке счетчиков тепла, прекращению дотаций ЖКХ как отрасли, полной оплате тепла его потребителями. Таким образом, план предполагает изменения в сфере *обращения* и никакого импульса к восстановлению технической системы не содержит. Иными словами, действий по срочному ремонту изношенных теплосетей ни государство, ни собственники производственной базы страны предпринимать **не будут**.

Из этого следуют два вывода относительно теплоснабжения как необходимой системы жизнеобеспечения населения и как *институциональной матрицы* жизнеустройства России:

1. Система хозяйства и управления, созданная в ходе реформы, не позволяет ни собрать ресурсы, ни организовать производственные усилия, достаточные для того, чтобы построить и пустить в ход новую систему теплоснабжения, альтернативную советской системе и обеспечивающую теплом население страны в тех же масштабах, что и советская.

Создание новой, рыночной *институциональной матрицы* в сфере теплоснабжения оказалось **невозможным**.

2. Система хозяйства и управления, созданная в ходе реформы, не позволяет содержать в дееспособном состоянии и стабильно эксплуатировать систему теплоснабжения, унаследованную от советского строя.

Сохранение старой, нерыночной *институциональной матрицы* в сфере теплоснабжения оказалось **невозможным**.

Строго говоря, если принять во внимание критическое значение теплоснабжения в нашей стране, уже из этого можно сделать такой общий вывод: *система хозяйства, созданная в ходе реформы, несовместима с жизнью населения и страны*.

Действительно, государство и собственники средств производств привели почти в полную негодность унаследованную от СССР систему теплоснабжения и отказались ее восстанавливать – и в

то же время они не могут построить новую систему, по западным образцам. Следовательно, реформа, сломав прежнее жизнеустройство, привела страну в такое состояние, при котором жизнь населения в его нынешних размерах невозможна. Дилемма, перед которой стоят граждане РФ, проста – допустить массовое вымирание населения или исправить ту систему хозяйства, что возникла в результате реформы.

На основании достаточно широкого изучения того, что произошло за последние 19 лет с другими большими техническими системами страны, можно утверждать, что попытка реформирования *всех* больших технических систем привела к результатам, похожим на те, которые имели место в теплоснабжении. Судьба теплоснабжения – типичный пример, и причины того, что с ним произошло, носят фундаментальный характер.

В ЖКХ в целом, в главных производственных системах и на транспорте идет быстрое старение и деградация основных фондов. Происходит их выбытие или снижение технического уровня. Изношены до критического состояния оборудование промышленности, подвижной состав транспорта, флот, парк строительных и сельскохозяйственных машин. Даже в прибыльных сырьевых отраслях свернута геологоразведка, добыча ведется хищнически, так что работа этих отраслей продлится только до исчерпания разведанных в советское время месторождений.

Все это в совокупности представляет собой массивный *неумолимый* процесс, на фоне которого отдельные достижения не формируют противоположной тенденции. Вопреки расчетам реформаторов, отечественные и иностранные инвестиции в основные производственные фонды остаются несоизмеримыми с масштабами потребностей, вследствие чего о перестройке прежних институциональных матриц и создании принципиально новых больших технических систем не идет и речи²⁸.

²⁸ Инвестиции в основные фонды РФ в 2006 г. не достигли и половины от уровня 1990 г. Но и в этой небольшой величине львиная доля направлена на финансирование анклавов хозяйства, работающих на мировой рынок, или обслуживание этих анклавов. Инвестиции в добычу энергоресурсов и металлургию, в транспорт и связь, в операции с недвижимостью и торговлю составили в 2006 г. 61% всех инвестиций.

Там, где глубже прошел процесс реформирования, более очевидна и деградация. Ликвидация единой государственной компании «Аэрофлот» привела к такому снижению экономических показателей, что из-за роста тарифов объем пассажирских перевозок внутри России упал в 4 раза, а отечественная авиационная промышленность потеряла заказчика и оказалась на грани ликвидации. Напротив, железные дороги, оставаясь до настоящего времени единой государственной системой, сумели в гораздо большей степени сдержать и рост тарифов, и падение объема перевозок.

Мы оказались в ситуации порочного круга. Целью реформ была замена больших технико-социальных систем советского типа иными системами – такими, «как на Западе». За прошедшие 19 лет обнаружилось, что новая система хозяйства не обладает созидательным потенциалом для решения этой задачи. Государство, уйдя из экономики, также лишилось средств для большого строительства. В то же время, государство допустило расхищение средств, предназначенных для поддержания в дееспособном состоянии главных систем жизнеобеспечения страны, унаследованных в исправном виде от СССР. В результате все эти системы эксплуатировались хищническим образом, на износ, и сегодня находятся на грани остановки или даже техносферной катастрофы. Новые собственники не имеют ни средств, ни навыков, ни даже заинтересованности в том, чтобы использовать доставшиеся им системы длительное время. Они довольствуются тем, что питаются трупом убитого советского хозяйства.

Как источник питания, трупы в нашем случае есть ресурс *невозобновляемый*. Следовательно, эта система хозяйства *принципиально нежизнеспособна*. Она не может поддерживать, с разумными изменениями, старого жизнеустройства – и не может создать никакого нового жизнеустройства. Она может существовать только за счет истощения накопленных ранее ресурсов – земли и месторождений, заводов и вооружения, здоровья, квалификации и жизни самих граждан. Когда большие технические системы, на которых

держится страна, придут в полный упадок, для большинства населения это превратится в социальную катастрофу – архаизация жизни приобретет лавинообразный характер. Однако и анклавов современного производства и быта не смогут устоять против наступления «цивилизации трущоб», поскольку даже эти анклавов не успеют построить альтернативных систем жизнеобеспечения, автономных от остальной части страны.

Если отвлечься от маскирующей реальность деталей, государственная власть РФ стоит перед вполне определенной дилеммой: или надо сознательно принять доктрину разделения страны на спасаемую и обреченную части (модернизация «анклавов Запада» и архаизация внутреннего «третьего мира») – или предпринять программу восстановления и модернизации системы жизнеустройства, в которой возможно развитие страны как целого.

Совмещение обоих проектов требует большого перерасхода средств и ставит под угрозу развитие даже анклавов современности. В нынешнем неопределенном состоянии архаизация происходит даже в этих анклавах, что видно на примере Москвы.

На интуитивном уровне можно предположить, что вариант «разделения России» не увенчается успехом *в любом случае*, но обоснование этого предположения слишком отвлекло бы нас от главной темы. Поэтому просто рассмотрим возможность реализации второй альтернативы.

Важнейшим условием для такой реализации является тот факт, что поражение советского строя вовсе не привело к демонтажу несущих конструкций его хозяйственной системы. Прочность их оказалась намного выше теоретически предсказанной, к тому же демонтаж их вызывает пассивное «молекулярное» сопротивление. Можно с уверенностью сказать, что некоторые важные системы советского строя переживут период кризиса и останутся в основе нового хозяйственного порядка. Сознательный переход к их восстановлению, модернизации и развитию сразу и резко изменил бы

к лучшему общую экономическую и морально-психологическую обстановку в стране.

Для такого перехода требуется именно сознательное решение, а не временное отступление от принципов реформы «под давлением обстоятельств». Жизнеустройство России и сейчас продолжает опираться на унаследованные от прошлого системы. Однако в нынешних хозяйственных условиях эти старые системы невозможно долго сохранять, и они деградируют, вырабатывая остаток ресурса. Уже сейчас все они повреждены, деформированы или почти разрушены, поскольку рассматриваются политической системой как безмолвные «враги реформы». Это и создало в российском жизнеустройстве порочный круг и даже систему порочных кругов – такого масштаба, что ее можно считать *исторической ловушкой*.

Глава 4.2. РЕИНТЕГРАЦИЯ СОВЕТСКИХ СИСТЕМ-МАТРИЦ В НОВУЮ ХОЗЯЙСТВЕННУЮ СИСТЕМУ. КРИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Речь идет о задаче крупномасштабной и, возможно, не имеющей прецедента в истории. Никакая из известных больших революций не ставила целью столь глубокое искоренение всех больших хозяйственных систем, сформировавшихся в предыдущие периоды. После краткосрочного периода «бури и натиска» новый режим всегда стремился интегрировать прежние структуры в свой порядок, стараясь не допустить разрыва непрерывности. В нынешней России даже через 19 лет после ликвидации советского строя редкая телевизионная передача обходится без ритуального очернения какой-то из сторон советской жизни.

В докладе американских экспертов, работавших в РФ, говорится: «Ни одна из революций не может похвастаться бережным и уважительным отношением к собственному прошлому, но самоотрицание, господствующее сейчас в России, не имеет исторических прецедентов. Равнодушно взирать на банкротство первоклассных предприятий и на упадок всемирно известных лабораторий – значит смириться с ужасным несчастьем»²⁹.

Как говорилось выше, в обществе возник и углубился раскол в отношении к советским хозяйственным структурам. Причина раскола не сводится к рационально формулируемым экономическим интересам: Россия переживает *цивилизационный* конфликт. Для влиятельной части нынешнего общества советские структуры, корнями уходящие в общинное крестьянское мировоззрение, представляются отвратительными.

²⁹ А. Эмсен, М. Интрилигейтор, Р. Макинтайр, Л. Тейлор. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики. – Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание». 1996. С. 65–85.

Напротив, для другой части общества (большинства) эти структуры кажутся «естественными» и близкими. Самым крупным международным исследованием установок и мнений граждан бывших социалистических стран СССР и Восточной Европы, является программа «Барометры новых демократий». В России с 1993 г. работала в рамках совместного исследовательского проекта «Новый Российский Барометр» большая группа зарубежных социологов. В докладе руководителей этого проекта Р. Роуза и Кр. Харпфера в 1996 г. сказано: «В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлое и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе»³⁰.

Надо внимательно изучить отчеты о большом периодическом исследовании ВЦИОМ «Человек советский». В заключительном докладе об этом исследовании в апреле 2004 г. Ю.А. Левада сказал: «Работа, которую мы начали делать 15 лет назад, – проект под названием «Человек советский» – последовательность эмпирических опросных исследований, повторяя примерно один и тот же набор вопросов раз в пять лет. Мы это сделали в 1989-м, 94-м, 99-м и в прошлом, 2003 году...

Было у нас предположение, что жизнь ломается круто. Что мы, как страна, как общество, вступаем в совершенно новую реальность, и человек у нас становится иным... Оказалось, что это наивно... Скорее, как только человека освободили, он бросился назад, даже не к вчерашнему, а к позавчерашнему дню. Он стал традиционным, он стал представлять собой человека допетровского, а не просто досоветского...

И с этого времени мы начали думать, что, собственно, человек, которого мы условно обозвали «советским», никуда от нас не делся... И люди нам, кстати, отвечали и сейчас отвечают, что они то ли постоянно, то ли иногда, чувствуют себя людьми советскими.

³⁰ Р. Роуз, Кр. Харпфер. Сравнительный анализ массового восприятия процессов перехода стран Восточной Европы и бывшего СССР к демократическому обществу. – «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения». М.: ВЦИОМ. 1996, № 4.

И рамки мышления, желаний, интересов почти не выходят за те рамки, которые были даже не в конце, а где-нибудь в середине последней советской фазы. У нас сейчас половина людей говорит, что лучше было бы ничего не трогать, не приходил бы никакой злодей Горбачев, и жили бы, и жили»³¹.

Конечно, установки людей меняются, люди устраивают свою жизнь в новой реальности, однако социологические исследования раз за разом показывают, что, хотя идеологическая составляющая советских структур жизнеустройства тускнеет и забывается, сущность их не теряет своей привлекательности. Она остается для массы людей близкой и понятной.

Вот результаты опроса мнений о положении в сельском хозяйстве России. Всероссийский опрос ВЦИОМ был проведен 10–11 сентября 2005 г. Опрошено 1587 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3–4%.

Только 7% опрошенных (6% из числа сельских жителей) выбрали ответ «Сельское хозяйство успешно развивается, кризис преодолен». 63% (67% на селе) ответили: «Ситуация в сельском хозяйстве ухудшается, кризис нарастает». 25% (24% на селе) считают, что «Ситуация не изменилась». Но ведь не изменилась она после тяжелейшего кризиса 90-х годов. Таким образом, 88% считают, что сельское хозяйство находится в кризисе, и новые формы хозяйствования оказались неэффективны. При этом наблюдается удивительное совпадение мнений как городских, так и сельских жителей.

А вот как ответили граждане России на вопрос о наиболее подходящих, по их мнению, способах преодоления кризиса (% от числа опрошенных):

³¹ Стенограмма этой лекции, прочитанной в клубе «Полит.ру», представлена на Интернет-сайте этой организации.

Какие меры, по Вашему мнению, могли бы помочь развитию сельского хозяйства?

Выделение государственных дотаций на развитие сельского хозяйства	58
Восстановление крупных государственных предприятий в аграрной сфере (колхозов, совхозов)	37
Государственное регулирование цен на сельхозпродукцию	17
Создание специальных государственных структур, обеспечивающих развитие сельского хозяйства	10
Увеличение объема государственных закупок	10
Широкое распространение частной собственности на земельные угодья	9

Очевидно явное предпочтение сложившимся в советское время формам хозяйства с активным участием государства. Через 19 лет после начала реформы это нельзя считать «пережитком прошлого», это мнение проверено на уже многолетнем опыте с помощью сравнения разных реальных форм.

Не действует и институт *купли-продажи земли*, ради внедрения которого реформаторы пошли на создание глубокого раскола в обществе. Вот справка из Государственного (национального) доклада о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2004 г. (Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости. – М., 2005). В государственной и муниципальной собственности в 2004 г. находилось 275 млн. га (около 70%) земель сельскохозяйственного назначения России. Эту землю в небольших размерах каждый год покупают сельскохозяйственные предприятия и фермерские хозяйства.

В каких же размерах? Так, в 2004 г. ими было выкуплено у уполномоченных органов государственной и муниципальной власти 8 тыс. га земель вне населенных пунктов. Это 0,0029% земли, предлагаемой к продаже! Менее *трех тысячных процента*.

И предприятия, и фермеры предпочитают не связываться с частной собственностью, а арендовать землю у государства (в 2004 г. такая аренда составила 54 млн. га).

Сделаем отступление от главной темы и заметим, что выработка проекта коррекции хозяйственной системы просто *невозможна* без спокойного деидеологизированного анализа тех принципиальных изменений, которые с таким трудом были внесены в хозяйственную систему за годы реформ. Реформа без рефлексии обречена на избыточные издержки при каждом шаге.

К числу таких изменений относится и введение купли-продажи земли сельскохозяйственного назначения. Самый длительный эксперимент проведен в Саратовской области, итоги его должны быть подведены и изучены. Здесь следовало бы взять пример с реформы Столыпина, в ходе которой двумя независимыми организациями велся непрерывный мониторинг рынка земли, социальных характеристик продавцов и покупателей, способ и эффективность использования купленных участков. Данные публиковались.

Напротив, о результатах уже более чем десятилетнего опыта Саратовской области практически ничего не известно. Главный показатель сельского хозяйства этой области – производство зерна – существенных изменений по сравнению с другими областями не обнаруживает. Относительно трех «советских» пятилеток с 1976 по 1990 годы сбор зерна в области за пятилетки с 1991 по 2005 годы снизился примерно в той же пропорции, что и в других регионах.

Вернемся к главной проблеме. Рассмотрим стратегический вариант формирования «интегральной» хозяйственной системы, соединяющей рыночные механизмы с «общинными» (коммунальными), доведенными до уровня развитых технологий в советское время. Какие наличные условия момента благоприятствуют такой программе, а какие препятствуют, и в какой степени?

Сразу заметим, что *все* стратегические доктрины сейчас сложны для реализации и являются рискованными для России – по раз-

ным причинам. Для восстановления и развития хозяйства *по любому пути* есть труднопреодолимые препятствия. Нахождение «в ловушке» означает дефицит ресурсов и времени, большую неопределенность и положение «между молотом и наковальней». Все решения в таком положении будут внутренне противоречивыми и требующими большого идеологического и управленческого мастерства. Однако и возможностей вырваться из порочного круга пока немало.

Внешние условия. Условиями, при которых вообще возможно восстановление целостного отечественного хозяйства, включают в себя сохранение хотя бы нынешнего уровня политической независимости России; а также сохранение хотя бы нынешнего уровня стабильности международных отношений (без «горячей» войны «Запад-Восток»). В данный момент Россия обладает достаточным суверенитетом, демонстрирует достаточную лояльность Западу, завязывает долгосрочные выгодные Западу связи как источник энергоносителей и пр. Кроме того, глобализация под эгидой США идет с большими трудностями, «однополярный» мир не складывается. Таким образом, к настоящему моменту у России есть возможность расширить диапазон выбора своего будущего жизнеустройства. Эти условия достаточно благоприятны для нашей программы.

Благоприятным условием надо считать и тот факт, что Россия пока что не вошла в ВТО и не приняла ряд ее норм, которые резко сузят возможности маневра при «конструировании» нашей хозяйственной системы, особенно ее инновационной компоненты. По сути дела, Россия должна предпринять вторую программу индустриализации, подобную программе СССР 30-х годов или послевоенной Японии. Это потребует подключения к мировому потоку научно-технической информации, потребление которой по нормам ВТО мы оплатить не сможем. Во всех таких чрезвычайных программах необходима та или иная доля независимой капитализации технологий – своего рода кредит, даваемый мировой наукой. ВТО этот источник не только закрывает, но и позволяет «откачивать»

собственные достижения ослабевших стран и реально заставляет их свернуть национальные научные системы.

Относительно благоприятна и конъюнктура на мировом рынке экспортных товаров из России, что дает нам на время чрезвычайных усилий резерв финансовых средств.

К неблагоприятным внешним условиям надо отнести наличие на Западе влиятельной антироссийской партии, которая в значительной мере контролирует внешнюю политику и СМИ. В 90-е годы эта партия слишком глубоко проникла во внутренние сферы России и большинства других постсоветских республик. Спонсируемые или идейно поддерживаемые этой партией структуры российского общества обладают существенным дестабилизирующим потенциалом, они по большей части настроены крайне антироссийски и будут вести интенсивную пропаганду против попыток восстановления старых институциональных матриц при любой их маскировке.

Внутренние условия. К главным факторам, которые определяют приемлемый тип хозяйственной системы, ее легитимацию «коллективным бессознательным» и активную благожелательную поддержку населения или, наоборот, сопротивление ей, относятся *тип общества* современной России, а также доминирующий *антропологический* (культурно-исторический) *тип*.

Мы считаем, что *антропологическая модель* как ядро культурного основания общества в своих главных чертах **не изменилась** в ходе реформы. В России не произошло, как предполагали «архитекторы перестройки», нового варианта протестантской Реформации и не возникло «свободного индивида» с «протестантской этикой». Этот вывод трудно строго обосновать эмпирически, но он подкреплен многими косвенными признаками и исследованиями.

Из этого вытекает много следствий для хозяйства. Антропологическая модель – фактор фундаментальный, его действие носит «молекулярный» характер, его нельзя быстро преодолеть идеологическим воздействием, институциональными реформами и даже

репрессиями. Представление о человеке «переваривает» элементы идеологии и общественные институты, наполняет их «своим» содержанием.

Судя по главным признакам, Россия представляет собой *традиционное* общество в условиях модернизации. Это и определяет устойчивость и подвижность элементов хозяйственной системы – и необычную живучесть советских систем, которой не предвидели специалисты в 1990–1991 годах.

Вопреки распространенному мнению, «традиционное» общество вовсе не обязательно является застойным, оно способно к интенсивным нововведениям в политической и хозяйственной сфере. В нем при благоприятных условиях может быть развит даже очень динамичный и агрессивный капитализм (но не «протестантского» типа). Таким образом, сохранение бытия России как традиционного общества, главным критерием отнесения к которому и является антропологическая модель, не служит препятствием к быстрой модернизации и переносу (с необходимой адаптацией) многих западных институтов и технологий. В то же время, в нем могут быть модернизированы и эффективно использованы многие традиционные отечественные институты и технологии.

Необходимым условием для восстановления и принятия обществом программы строительства нового жизнеустройства будет возникновение нового *обществознания*, методологические основания которого соответствовали бы реальной сложности мира, природе нашего общества и динамике происходящих процессов. Традиционное и неявное знание сложности момента не отвечает. Здравый смысл может спасти нас от худших решений, но не позволит выработать целостный проект. Создание адекватного обществоведения, хотя бы небольшого по масштабам, но способного задать рациональную методологию рассуждений и выработки показателей и критериев – задача совершенно срочная и чрезвычайная.

Глава 5. ОРИЕНТИРЫ ДВИЖЕНИЯ ИЗ ТОЧКИ «РОССИЯ-2010»

Сегодня в российском обществе остро стоит вопрос о новом национальном проекте, который позволит «вдохнуть» свежие силы для государственного развития в XXI веке. Говоря научно-практическим языком, требуется разработать образ будущего и путь к нему.

Мы же в рамках этого направления будем исходить из того, что на данный момент любые образы и проекты должны учитывать наиважнейшую актуальную задачу хозяйственной системы – обеспечить *выживание* страны и народа. Все, что сверх этого – приятное добавление.

Опыт 90-х годов показал, что «перепрыгнуть в капитализм» из нынешнего состояния невозможно. Препятствия носят не идеологический, а фундаментальный характер. Если и имелся в России шанс перехода к качественно более либеральному социальному строю с отказом от государственного патернализма, то этот шанс был создан именно зрелым советским строем в середине 80-х годов. Но в ходе реформ 90-х он был утрачен.

Рыночная экономика – особая культура. Она опирается на определенное видение мира, для нее необходима весьма необычная антропологическая модель. Это система *либеральная*, основанная на *свободе контракта*. Она в принципе может действовать, только если все участники принимают на себя роль собственника, который свободно обменивает свою собственность по установленной рынком цене. Заставить действовать по этим правилам людей, которые не понимают и, тем более, не принимают культурных норм рынка, невозможно. Притом эти люди могут быть прекрасными работниками и жить полной, творческой жизнью в несравненно более жестких и неблагоприятных условиях, – но не при рынке.

Подавляющее большинство населения России, независимо от идеологических установок, не принимает культурных принципов рыночного общества³². Множество исследований не оставляют в этом никаких сомнений.

Продолжение курса «Вперед – к рынку» означало бы движение вопреки пассивному сопротивлению большинства общества (даже вопреки подсознанию самих реформаторов). Это противоречит главному принципу рынка (свободный контракт) и, таким образом, ведет не к рыночной экономике, а к угасанию хозяйства. В обзоре, посвященном хозяйству «семейного» типа, сказано: «Реципрокные отношения [отношения взаимопомощи и сотрудничества] не строятся на стоимостной эквивалентности обмена, тем самым релятивизируя рынок как ценность или, по крайней мере, отказывая ему в доминировании над такими категориями, как родство, солидарность, взаимопомощь, опека и пр. Эквивалентный обмен стоимостями замещается паритетным обменом ценностями или представлениями о полезности».

Паралич хозяйства в рамках варианта «Вперед – к рынку» устранить в принципе невозможно. При этом варианте хозяйство России – это бездонная бочка. Даже если в нее закачать все деньги Запада, они не оживят производства, а будут утекать обратно и оседать в западных же банках. Никакой самый жесткий правитель не справился бы с этим противоречием. Восстановление хозяйства будет возможно, только если его организм «переварит» монетаризм.

Но и курс «Назад – к плану» нереален, и полезно зафиксировать препятствия для его осуществления.

³² В нерыночных обществах большую роль играют отношения не купли-продажи, а сложения ресурсов, взаимопомощь или взаимный обмен ценностями в натуральном, а не стоимостном выражении. Это напоминает отношения в семье или между родственными и дружескими семьями. Именно такие отношения позволили России пережить кризис 90-х годов. В статье об этом типе хозяйства сказано: «Реципрокность [взаимность] межсемейных отношений не является декоративным элементом или дополнительным, вторичным аспектом социальной реальности, а представляет собой “несущую основу” повседневной жизни россиян». Один зарубежный социолог назвал межсемейные сети “русское чудо”.

Этот курс означает попытку соединить в дееспособную систему замершие производственные мощности и построить новые через воссоздание замкнутого контура движения информации и безличных денег. То есть, восстановить *плановую систему* хотя бы в существенной части промышленности. Накопление средств для развития этой «приоритетной» части потребует не только мобилизации нефтедолларов, но и изъятия значительной доли доходов населения. Это изъятие будет компенсировано лишь через несколько лет – за счет развития производства и роста покупательной способности зарплаты. Это – программа восстановления народного хозяйства, подобная той, которую в СССР реализовали после 1945 г.

Такой проект не означает идеологического выбора типа «капитализм-социализм». После восстановления хозяйства до некоторого безопасного уровня может быть предпринята новая попытка либерализации, но уже не по утопическому пути «программы МВФ», а исходя из реальных условий России (пример – «либерализация по-японски» или реформа в Китае).

Этот проект соблазняет тем, что он испытан, сохранился в коллективной памяти и в прошлый раз увенчался большим успехом. Промышленность СССР испытала тогда замечательный рост и набрала огромную инерцию. Сегодня масштабы производства сократились в такой степени, что даже традиционные методы планирования были бы эффективны (тем более при компьютеризации и информатизации). В то же время, выполнение такой программы сегодня было бы несравненно труднее, чем в 1945–55 гг. Вот явные, очевидные причины:

– Степень разрушения промышленности и сельского хозяйства как *систем* сегодня выше, чем в 1945 г.

– Все основные промышленные производства сегодня намного сложнее и более взаимосвязаны, чем в 1945 г., и восстановить их целостность намного труднее.

– Восстановление промышленности после программы *деиндустриализации* – особая, необычная и сложная научно-техническая

программа. Сегодня научно-технический потенциал России подорван, в то время как в 1945 г. он, напротив, благодаря войне получил значительное развитие и был быстро увеличен в последующие годы.

Однако все это – факторы количественные. Важнее иные, чем в 1945 г., качественные характеристики нашего общества и мировой обстановки.

Во-первых, в 1945 г. советский народ вышел из войны как победитель, с душевным подъемом, с жадной работой, строить, учиться и рождать детей. Сейчас наш народ похож на тяжелобольного, который проходит фазу кризиса. Симптомы болезни назревали давно, и сама легкость демонтажа страны говорит об истощении защитных духовных сил народного организма. Страдания, которые несла большая часть населения в ходе реформы, в целом не вызвали ни подъема, ни желания защищаться – ответом явилось тихое умирание и снижение рождаемости.

Все вирусы, которые таились в дремлющем состоянии в организме народа, в 80-е годы активизировались и не нашли отпора. Прибегая к метафоре, можно сказать, что русский народ страшно переутомился невероятными перегрузками XX века и «впал в забытье», в состояние обморока. В таком состоянии пойти на героический мобилизационный проект, требующий большого напряжения физических и душевных сил, очень трудно – даже если альтернативой является гибель.

Во-вторых, из войны в 1945 г. советский народ вышел единым. Та его часть, которая в душе отвергала общинный тип жизни (будущие «новые русские»), была увлечена общим подъемом и надолго утратила активный потенциал инакомыслия – он возродился и организовался в систему только в 60-е годы. Восстановительный проект после войны не встречал сознательного и организованного сопротивления в обществе.

Сегодня общество расколото, и как раз в выборе типа восстановительного проекта мнения столкнутся. Та часть, которая полу-

чила собственность через приватизацию (около 7–10% населения), будет против проекта «Назад – к плану».

Тот факт, что активных, готовых к сопротивлению противников реставрации плановой системы – небольшое меньшинство, не должен создавать иллюзии их слабости. Численность группы – параметр не слишком существенный. К тому же имеется много стихийных противников рынка, которые, тем не менее, не желают возвращения «плана» – вообще не желают организованных усилий по восстановлению хозяйства. Это деморализованные люди, они наслаждаются хаосом и бездельем. Даже не имея на настоящем рынке никакой перспективы, они уже боятся труда и дисциплины, тешат себя иллюзией «предпринимательства». На аскетизм народа-победителя рассчитывать сегодня нельзя.

Наконец, сегодня отсутствует сила, которая раньше соединяла все элементы сложной социальной системы рыночного хозяйства, примиряла противоречивые интересы разных профессиональных и этнических групп, разрешала или подавляла конфликты – «тотальная» партия типа КПСС. Создать в обозримом будущем нечто подобное без катастрофы невозможно. Координация усилий множества групп, даже не находящихся в конфликте, но имеющих разные «мягкие» идеологии – задача трудная, решается с большими затратами времени и средств.

Теоретически задачу можно сформулировать так: надо оживить хозяйство традиционного общества (экономия) притом, что разрушены важные стержни традиционного общества – консолидирующая идеология и ее носитель, а также общая для всех этика. Такой задачи никто никогда не решал. Япония после войны не испытала таких разрушений культурных устоев своего общества и, в отличие от России, возрождала свое хозяйство при благоприятном отношении победителя.

Общий вывод: шансов на успех в реализации проекта «назад – к плану» немного. При этом выборе, даже если он будет сделан, скорее всего, произойдет сокращение программы до варианта «но-

вого НЭПа» под давлением обстоятельств. Если это сокращение будет не осознанным, а вынужденным, оно произойдет с большим перерасходом ресурсов и избыточными лишениями. Однако, если ради консолидации наибольшей части общества потребуется представить ситуацию как *дилемму*, то этот выбор следует считать лучшим – по сравнению с абсолютно невозможным вариантом «вперед – к рынку». Лучше, однако, разработать гибридный, синтетический вариант, который можно назвать «Новый НЭП».

Мы исходим из того, что выбор желаемого жизнеустройства народом России еще не сделан. Не следует этот выбор форсировать, надо вести общественный диалог и поддерживать все уклады, помогающие преодолеть кризис и восстановить жизнеобеспечение. Восстанавливая желаемый тип жизни на пепелище, мы обязаны учесть уроки прошлого и понять, почему, обеспечив доступ всех к основным социальным благам и высокую социальную надежность, советский тип жизни оставлял неудовлетворенными все большую часть граждан. Возникшее в СССР единообразие и непритязательность жизни было порождением условий, в которых рождался советский проект.

Сегодня мы свободны от этих ограничений. Надо отойти от пропасти, а потом на спокойную голову решать, какого строя мы хотим и какие компромиссы возможны.

Раз выбор не сделан, не следует насильно толкать в тот или иной коридор. Если не удастся заключить, хотя бы негласно, общественный договор, «молекулярное» сопротивление истощит силы реформаторов.

Таким образом, задача на ближайшую перспективу – построить «буферную» систему, которая даст людям время перебрать в уме все возможные варианты жизнеустройства, провести низовой «плебисцит» и склониться к тому или иному варианту. После этого и может быть заключен общественный договор о выборе большого проекта.

Диапазон выбора приемлемого жизнеустройства в России, с одной стороны, сильно сократился за 90-е годы из-за изъятия ог-

ромных ресурсов из народного хозяйства и деградации многих других фундаментальных условий жизни страны. С другой стороны, если полученные за годы реформы уроки пойдут впредь, то мы выйдем из кризиса как обновленное общество, освободившееся от множества идиологов и догм. Такое общество будет внутренне стабилизировано жесткими, испытанными на собственной шкуре дилеммами, благодаря чему оно сможет резко расширить диапазон свобод и при этом удешевить усилия, направляемые на поддержание достаточного уровня лояльности целому со стороны возникших «диссидентских» субкультур. Вариант тоталитаризма как последнего средства спасения пока не рассматривается.

Что же должно будет измениться в российском жизнеустройстве после «глотка капитализма» по сравнению с советским хозяйством? Кратко рассмотрим важные пункты из предыстории нынешнего состояния.

Советский проект потерпел поражение потому, что, начиная с 60-х годов, стал входить во все более глубокое противоречие с реальностью нового общества. Он возник как выражение крестьянского мессианизма и проявил огромную устойчивость и большой потенциал развития в 30–50-е годы. В уже городском слое «среднего класса» он стал тяготить все большую часть общества.

Сконцентрированный на идее «сокращения страданий», в реализации которой советский строй достиг больших успехов, он авторитарными способами нормировал «структуру потребностей». Быстрая смена в ходе урбанизации «универсума символов» и структуры потребностей (особенно в среде молодежи) вошла в конфликт с идеологически узаконенными нормами. Узость этих норм при резком увеличении разнообразия потребностей сделала «частично обездоленными» едва ли не большинство граждан. Крамольное недовольство общественным строем стало массовым. Хотя это недовольство и не вело к требованию сменить его фундаментальные основания, оно стало эффективным инструментом для тех социальных групп, которые были заинтересованы именно в *ликвидации* советского строя.

При демонтаже советского хозяйства РФ погрузилась в тяжелый кризис. Однако, полученные в его ходе уроки дали ценный и даже необходимый опыт и навыки для дальнейшего развития. Хотя, как мы полагаем, «перескочить» в капитализм России не удастся, несмотря на применение калечащих методов искусственной мутации, в «критике» советского строя практикой перестройки и реформы есть важное рациональное зерно. Травма рыночной реформы 90-х годов была излишне жестокой, но ее оздоравливающего потенциала ни в коем случае нельзя разбазарить.

Дело в том, что традиционное общество, не «хлебнувшее» достаточной порции капитализма и не освоившее некоторых буржуазных ценностей, в современном мире оказывается слишком хрупким и неустойчивым. Массовое сознание в таком обществе слишком «пралогично», и государство не имеет поддержки не только глубоко эшелонированного гражданского общества, но и всеохватывающего стабилизирующего фактора в виде рационально осознаваемых и *рассчитываемых* материальных интересов. Тот подрыв культурной гегемонии государственного строя, который был легко проведен в советском обществе, был бы немислим в обществе рационально мыслящих индивидов. Этот вывод подтвержден реальным опытом многих, весьма разных культур.

Кризис и травмы, нанесенные реформой России, будут не напрасны, если мы сумеем из этого «глотка капитализма» выпить и встроить в свой культурный аппарат и в систему социальной организации все фрагменты информации, необходимой для жизни в современном динамичном мире. Упомянем хотя бы **обязанность** блюсти свой интерес и бороться против всяких изменений жизнеустройства, ведущих к ущемлению этого интереса. Умение *считать* и блюсти свой интерес – типично буржуазный навык³³. Россия в начале XX ве-

³³ Об этом предупреждали либералы сразу после Февральской революции. Неготовность крестьян принять «буржуазные» ценности они считали главным препятствием на пути к социализму. 7 августа 1917 г. М.М. Пришвин записал в дневнике: «Собственность – это кол, вокруг которого гоняют привязанного к нему человека до тех пор, пока он не научится заботиться о вещах мира сего, как о себе самом, потому что завет собственности: люби вещи материальные как самого себя. Эта заповедь о вещах сохраняется равно для мира буржуазного и мира социалистического».

ка его освоить не успела, советская идея общественной собственности стала терять эффективность в городской жизни, ее адекватного воплощения для «сытого» общества не нашли.

В известном смысле большинство советских людей действительно стали *иждивенцами*. Они были готовы трудиться, выполняя привычную или приятную для них работу, но целый ряд гражданских функций они возложили на сословие начальников, полагая, что те порадеют и позаботятся о трудящихся. Общество, образованное такими гражданами, очень уязвимо. Как только исчезает очевидный для всех спланированный обществом «вызов» (в виде внешней угрозы, необходимости форсированного развития и т.п.), у граждан начинается подозрение, что начальники радеют недостаточно. Или, что еще хуже, слишком радеют о себе. Оснований для таких подозрений всегда достаточно, да их еще можно и преувеличить в массовом сознании. Такой скрытый конфликт развивается по механизму самоускорения, и вскоре дает уже и сословию начальников оправдание для разрыва с гражданами, обидевшими его своими подозрениями. Такое *квазисословное* общество в условиях городской индустриальной культуры выжить не может.

Второе свойство избыточно патерналистского государства – быстрая *инфантилизация* общественного сознания в благополучный период жизни. Люди отучаются ценить блага, созданные усилиями предыдущих поколений, рассматривают эти блага как неуничтожаемые, «данные свыше». Общество утрачивает собственную политическую волю, необходимую для стабилизации общественных отношений. В то же время граждане наращивают свои претензии к государству. По мере расхождения этих претензий с реальностью, широкие слои граждан начинают культивировать неадекватные обиды и недовольство, резко облегчающие подрыв легитимности государства.

Эти (и другие) слабые места советского строя, через которые в общество проникали болезни, мы имели возможность изучить почти в экспериментальном режиме. Размышляя о применении в

будущем жизнеустройстве России ряда созданных в советском хозяйстве систем, надо включить преодоление этих слабостей в число важных задач.

Шанс наверстать упущенное нам дан сегодня, хотя действия реформ 90-х годов сильно испортили дело. Они оказались гораздо более *антибуржуазными*, чем советский порядок. Общество пережило период демонстративного разрушения огромных материальных и культурных ценностей, произошла всеобщая атрофия «чувства хозяина». Это выразилось хотя бы в аномальном исключении из расчетов функции *ремонта ЖКХ*.

В каком направлении сдвинется от советских матриц хозяйства новое жизнеустройство? Оно будет строиться уже людьми сложного городского общества на существенно иной, нежели в 30-е годы, мировоззренческой основе. Прежде всего, это проявится в понимании той роли, которую играет в жизни такого общества *разнообразие*.

Хозяйственная система, которая при достаточных усилиях общества возможна в России, как раз и будет резко отличаться от советской системы своим *разнообразием*. Дилемма «план-рынок» является ложной; в сложном и большом народном хозяйстве ни один тип предприятия и ни один тип контроля и управления не обеспечивает равновесия между *устойчивостью* и *изменчивостью*, способностью к *адаптации*. Важность устойчивости после 90-х годов все поняли, испытав на себе. Недостаточная изменчивость, низкий темп развития в сложных системах ведут к деградации – застоя они не переносят.

Избыточное огосударствление советского хозяйства все более затрудняло выполнение хозяйством многих важных функций и по ряду причин само становилось источником недовольства, не давая возможности самореализации для значительной части людей с сильно развитым «предпринимательским инстинктом», придавая государству слишком патерналистский характер и завышая претензии к нему всего населения.

В этом же направлении должна сдвинуться система *распределения*. Спектр морально оправданных и экономически обеспеченных потребностей будет не просто расширен, он станет регулироваться гораздо более гибкими нормами. Принципиального конфликта это, после опыта 90-х годов, не создает, а возникающая напряженность при столкновении культурных норм разных социальных групп вполне *может быть* снята в рамках российского общества без его разрушения. Жесткость заданного в СССР образа жизни была унаследована от длительного существования в мобилизационных условиях (общинная деревня, а затем «казарменный социализм») и не вытекает из типа культуры. Реформа была травмирующим и разрушительным выходом из мобилизационного состояния, но она хотя бы сняла эту проблему через кризис. Видимо, мы уже переболели и детскую болезнь наглого, вызывающего потребительства «новых русских».

Наше общество преодолело уже и ряд ошибочных догм марксизма, усиленных в советском сознании идеалами русского крестьянского общинного коммунизма. Речь идет о массовом неприятии частной собственности и предпринимательства, усиленного кризисом 90-х годов.

Предпринимательство с получением дохода – один из нужных механизмов хозяйства и способ самовыражения для множества людей. Оно вовсе не обязательно ведет к возникновению классовых антагонизмов – это зависит от общего жизнеустройства. Однако здоровье и стабильность общества, его развитие возможны лишь при таком уровне расхождения между предпринимательскими и трудовыми доходами, который не вступает в резкое противоречие с представлениями о социальной справедливости³⁴.

Основным источником дохода в России должен быть труд, а не капитал. Но нет необходимости и в возврате к унитарной социальной системе советского типа. Она ведет к застою, сковывает

³⁴ Получение безумных и легких нетрудовых доходов в России будет затрудняться, а потом и прекращено. Это – общая тенденция современного, а тем более постиндустриального общества, и никаких социальных катаклизмов не породит (если не породят их специально или из-за грубых ошибок).

инициативу и потенциал развития существенной части общества. Много советских людей (хотя и меньшинство) тяготилось укладом больших коллективов, они бы хотели честно и творчески работать, за свой страх и риск, как единоличники или организаторы малых предприятий, – не в конфликте с крупным предприятием, а во взаимодействии. Такие условия и надо будет создать в будущем.

Нет возможности продолжать финансирование города за счет деревни – село истощено. Необходимо срочное выравнивание социальных условий города и села хотя бы в доступе к минимальным жизненным благам. Нельзя также продолжать финансирование повышенных доходов столичных жителей за счет всей России. Острова искусственного благосостояния разрушают связность страны и народа.

Программе модернизации и новой индустриализации России должен предшествовать этап «*нового НЭПа*». На этом этапе полуразрушенное государство не может и не должно брать на себя организацию большей части производства. Можно и необходимо срочно оживить *бесплатные* и *дремлющие* ресурсы. Необходимо специально создавать условия, при которых возникнет «молекулярная» поддержка и низовая массовая хозяйственная инициатива. Без этого шансов на успех преобразований практически нет. «Новый НЭП» должен быть не отступлением и не временной мерой; малые предприятия – жизненно важная часть современного хозяйства, придающая ему динамичность. Для нового витка индустриализации России эта программа абсолютно необходима.

Важным укладом в этой части экономики должны стать малые и средние *производственные* предприятия. К сожалению, сути малого предприятия как особого, постиндустриального уклада, не поняли ни наши либералы, ни наши марксисты. Без создания с помощью государства большой системы малых предприятий преодолеть кризис в России и наращивать инновационную составляющую хозяйства будет невозможно.

Этот тип производств обладает большой способностью приспособляться к условиям. Независимо от характера собственности, на которой основано такое предприятие, его сущность не отражается в категориях политэкономии. Поэтому оно как уклад успешно работает и в либеральной рыночной экономике США, и в традиционных обществах Японии и Кореи, и на католическом юге Италии и Испании, и в странах «третьего мира». 99,4% предприятий Западной Европы, предоставляющие 60% всех рабочих мест, имеют менее 50 занятых. Причина в том, что создать на малом предприятии одно технологически равноценное место стоит примерно в 10 раз дешевле, чем на крупном. Доктрина этой программы – отдельная тема.

Главная мысль третьего варианта: восстановить замкнутый контур государственной плановой экономики в небольшой части промышленности, отобрав в него минимум предприятий – системообразующее *ядро*. Для остальной части промышленности создать «полурыночные» условия: рынок товаров, контролируемый финансовый рынок с государственным участием и *квази-рынок* рабочей силы, приведенный в соответствие с культурными нормами массового сознания. Ядро системообразующих предприятий, которое «возвращается» в плановую систему, будет столь мало, что управлять им окажется под силу даже нынешнему, подорванному государственному организму.

Современное кооперативное и частное малое и среднее предприятие – ячейка постиндустриального уклада. Это новый путь преодоления капитализма, совершенно особое явление. Дело в том, что здесь предприниматель не отделен от работников слоем управляющих, а вступает с ними в тесные личные отношения, которые регулируются культурными нормами, а не рынком. Здесь нет простой купли-продажи рабочей силы, нет «войны всех против всех», а возникают солидарные структуры. Здесь хозяин в трудное время не уволит работников, а уменьшит свой доход или даже будет доплачивать из личных сбережений. А работник не только не наступит ему

на горло забастовкой, но и будет работать по полгода без зарплаты. Здесь поворот к *постиндустриальной общине*. Это совсем не тот «малый бизнес», о котором так много говорят наши реформаторы.

Если бы в 1992 г. целью было не разрушение, а улучшение экономики, следовало начинать реформу не с приватизации действующих заводов, а с создания «генераторов» малых предприятий (в том числе на базе нерентабельных заводов) – с увеличения разнообразия производственной системы, с передачей средств производства в частные руки. Если бы эти средства отдали в честные руки – рабочих и инженеров, бывших офицеров и прапорщиков, если бы им помогли создать в городах и селах малые предприятия по производству кирпича и обуви, мебели и лекарств, мы уже сегодня были бы изобильной страной.

Особое значение приобретают малые предприятия как «буферный» уклад во время кризисов. Они активно вовлекают в оборот «дремлющие» материальные и трудовые ресурсы и за счет этого резко снижают капиталовложения на создание рабочего места. Именно малые предприятия, а не строительство крупного завода – механизм оживления переживающих депрессию регионов. При этом опыт даже таких стран, как Англия, показывает, что оживление экономики бедствующих районов через развитие МП происходит за счет внутренних ресурсов региона, без привлечения средств извне.

Если взять наши кризисные регионы (Дагестан, Ингушетию), то оживлять хозяйство следовало бы именно не со строительства крупных предприятий, а с создания, с малыми затратами, «производственной ткани» – сети малых предприятий. Эта концепция была отвергнута. Например, в 90-е годы, с объединением Европы, началось техническое переоснащение испанской обувной промышленности. Это тысячи малых предприятий, размещенных в деревнях и поселках юга страны. Их оборудование, приспособленное именно для малых предприятий, могло бы послужить нам еще лет десять. Испанцы выражали заинтересованность в том, чтобы разместить его в России, взяв очень недорогую плату полуфабрикатами (кожаными

подошвами). Можно было наладить производство обуви по испанским образцам на Кавказе, дав работу и доход тысячам семей и заместив импорт. Эти предложения не вызвали интереса ни в ЦК КПСС, ни в правительстве Гайдара.

Сейчас во многих странах возникают уже не изолированные малые предприятия, выносящие на рынок свою продукцию, а системы, в которых процесс производства расчленяется на фазы. Создается сеть местных предприятий с тонким разделением труда, что позволяет участвовать в производстве всем жителям района. Возникает кооперативный эффект между производством и повседневной жизнью людей, что сильно снижает себестоимость. Координация идет через взаимное доверие и комбинацию рынка с социальным контролем – методами, принятыми в поселке или городке. Близость отдельных предприятий позволяет достичь преимуществ крупного предприятия без потери гибкости. Такие сети малых предприятий в Италии стали теснить крупные корпорации в самых передовых отраслях.

Создание «двухконтурной» экономической системы сняло бы конфронтацию между двумя почти равными частями общества: теми, кто «за план» и теми, кто «боится плана». Для второй части остается огромное поле приложения сил без диктата, а лишь с помощью государства. Там могут быть реализованы и инстинкты предпринимателя и коммерсанта. При этом между двумя частями экономики возникают отношения кооперации и взаимодополнения, а не борьбы. Не стоит вопрос «кто – кого?», как было при «первом НЭПе». «Новый НЭП» является не повторением прежнего, с перспективой вытеснения или поглощения частного сектора, а принципиально новым проектом, предполагающим резкое увеличение разнообразия производственной системы и числа степеней ее свободы. Это – не конъюнктурное соображение и не вынужденное «отступление», это – шаг вперед, к постиндустриализму.

Социальный порядок. Для выхода из кризиса большинство населения должно осознать горькую истину: никогда, ни при каком

режиме в России не будет создано общество с уровнем потребления нынешнего Запада. Никогда Россию не допустят к эксплуатации ресурсов «третьего мира», без которой невозможно общество потребления.

Реальный выбор для нас таков: или стать частью «третьего мира» с обогащением узкого слоя и обнищанием большинства, или восстановить солидарное общество со скромным достатком каждого и разумным превышением доходов более энергичных и работающих, с высоким уровнем безопасности и возможностью жить по совести.

Для России абсолютным императивом стал переход к *инновационному* типу развития. «Сырьевая пауза», в течение которой страна могла перевести дыхание за счет продажи нефти и газа, кончается. Но при нынешнем уровне социальной несправедливости и гнетущем социально-психологическом климате «общее дело», которое требуется для большого инновационного проекта, невозможно. Такие проекты совершались в истории в обстановке духовного подъема двух полярных типов – или на основе частной инициативы индивида с его жаждой наживы (как формой религиозного подвижничества), или на основе народной солидарности ради общего спасения. Образец первого типа дал Запад, образцы второго типа мы наблюдали в незападных странах (Япония, Россия, теперь Китай). В реальности чистых случаев не бывает, но в главном приходится выбирать.

Устойчивое и обладающее большим потенциалом развития общество сложится в России, если оно не приобретет характер *классового антагонистического общества*, состоящего из собственников капитала и наемных работников. В рамках солидарного и оздоровленного общества будет возможно обеспечить всем не только жизнь по совести и без страха, но и достаток, существенно больший, чем был в советское время. Но это – после выхода из кризиса к стабильному развитию.

Однако наша культура преодолела механицизм социально-инженерных утопий первой половины XX века, и солидарное об-

щество будет строиться без «больших скачков». Ослабленная, но сохранившаяся органическая (общинная) солидарность традиционного общества России будет дополнена рациональной (социал-демократической) солидарностью современного городского общества. Эксплуатация человека человеком – зло. Но в реальной жизни она может быть меньшим злом, чем ее запрет политическими средствами. Эксплуатация будет *преодолеваться* путем создания таких условий, при которых она невыгодна ни обществу, ни личности.

Государство будет *менее патерналистским*, чем поздний СССР. Как уже говорилось, избыточный патернализм государства в благополучный период жизни ведет к *инфантилизации* общественного сознания. Слабость советского государства в конце XX века была во многом обусловлена недостаточной *гражданственностью* населения, которое стало принимать наличные социальные условия как данность, которая не может быть устранена. Это свойственно «семейным» патерналистским отношениям на разных уровнях общности, от отдельной семьи до государства, несмотря на достоинства такого социального порядка в стабильный период.

В статье о роли «семейных» отношений на уровне государства сказано: «Система государственного патернализма подменяла гражданские отношения принципами организации домохозяйства. В семье любят не за высокие знания, а за уважение к другим членам домохозяйства; «глава» семьи стоит вне критики. Наличие формальных конституционных гарантий на отдых и образование при условии, если индивид вел себя «по правилам», обеспечивало стабильность жизни большинства домохозяйств».

В будущем постсоветском устройстве, на наш взгляд, изменятся не столько количественные параметры государственного патернализма, сколько его приоритеты. Людям будет предоставляться больше ресурсов для их развития, но от них будут требовать большей мобилизации.

В отношении *распределения благ* принципы возможной и желаемой социальной политики таковы:

Каждый гражданин России имеет право на некоторый минимум жизненных благ, которые даются на уравнительной основе. За это с него и спрашивается «по способности». Принцип «каждому – по труду» действует лишь за пределами этого минимума. Пропорции распределения по труду и по едокам нащупываются эмпирически, но чем беднее общество, тем относительно большая часть плодов общего труда расходуется на уравнительное распределение благ. Вероятно, по сравнению с концом 70-х годов будет меньше уравнительности в *доходах*, но больше – в доступе к *образованию и здравоохранению*.

Уравнительное распределение должно касаться именно *минимума* благ. Будет существовать рынок товаров и услуг (в том числе образования и медицины) для тех, кто хотел бы получить специальные блага согласно своим личным предпочтениям. Единообразие несправедливо.

В будущем, вероятно, будет возможно вернуться к советскому типу пенсий – не через пенсионные фонды, а из госбюджета. Обеспечение старости – обязанность всего народа (представленного государством), а не когорты нынешних налогоплательщиков. При этом сохранятся и накопительные пенсионные фонды для желающих накопить прибавку.

Важные точки напряженности вытекают из многонациональной природы России – по ним и били, когда ломали СССР. До 90-х годов XX века Россия никогда не сбрасывала кризисы в «слабые» регионы и не создавала зоны внутреннего «третьего мира». Поэтому она имела крепкий национальный тыл. Жить в едином сильном государстве – в интересах большинства населения всех народов. Связывающие их идеалы и интересы сильнее противоречий, они будут способствовать возрождению наднациональной солидарной общности того типа, который складывался в Российской империи и был достроен в СССР. В среднесрочной перспективе приоритетная задача российского общества и государства – строительство российской гражданской нации. С большой долей уверенности можно

предположить, что оно будет следовать тем же принципам, что и незавершенное строительство нации в Российской империи, а затем в СССР (то есть без насильственной ассимиляции, без создания «этнического плавильного котла» и без апартеида).

Государственность и идеология. Советский тип государства – *самодержавный*, он основан не на разделении и равновесии «ветвей власти» в их противостоянии (сдержки и противовесы), а на их согласии под надзором безусловного авторитета (идеологии). Советы, в отличие от парламента, ищут *единогласия*, а не выясняют силу политических конкурентов через голосование. В такой сложной по составу стране, как Россия, только сильное самодержавие или сильная советская власть рождали механизм автоматического *гашения* конфликтов. Переход к политическому устройству западного типа привел к автоматическому *разгоранию* конфликтов.

Пока что мышление большинства граждан (в том числе и тех, кто занял антисоветскую позицию) тяготеет к государству *советского* типа (отсюда абсурдные с точки зрения парламентаризма обвинения Госдумы в «политизированности»). Однако восстановление такого государства невозможно (хотя не исключено, что оно будет строиться постепенно через «молекулярные» механизмы). Причина в том, что утрачен авторитетный арбитр, легитимирующий большие политические решения (как в начале XX века был утрачен авторитет Православия через образ Царя, без которого иссякла сила монархии). Общество расколото, при этом расколотые части склонны к тоталитаризму (желают единогласия). В этих условиях, на переходный период, требуется создание «шунтирующих» структур для ведения общественного диалога. Создание Общественной палаты по ряду причин оказалось неудачной попыткой, но, видимо, эти усилия продолжатся.

Устойчивые тенденции показывают, что в среднесрочной перспективе государство будет более рациональным и бесстрастным, менее патерналистским и идеократическим, нежели советское. Однако оба эти последних качества не исчезнут, и в России

не возникнет «холодного» (технократического) «государства принятия решений».

В обозримом будущем государство России, видимо, не сможет опереться на общепринятую «тотализирующую» идеологию типа советской. Культурные и социальные различия в обществе резко усилились, Россия переживает волну этногенеза с бурным всплеском национального мифотворчества – все это исключает возможность морально-политического единства, необходимого для укоренения тотальной идеологии. Кроме того, индустриальная цивилизация в целом переживает кризис своих идеологий, связанный с глубоким изменением научной картины мира. Перестройка картины мира означает этап идеологического хаоса и нового большого идеологического строительства.

Нельзя ожидать в ближайшем будущем появления сильной идеологии, способной сплотить общество, задав ему ясные ориентиры на целый исторический период – такой идеологии, какой был марксизм в течение целого столетия. Однако можно найти общее «ядро» множества идеологических и культурных течений и договориться о союзе или сотрудничестве в рамках этого «ядра». Это и будет необходимый для преодоления кризиса *общественный договор* на основе многостороннего *диалога*. Это – «шунтирующий» механизм в сфере идеологии. Условия для его создания благоприятны.

Сегодня у граждан России накоплен достаточный жизненный опыт («опыт реформ»), а в интеллектуальной среде накоплены (хотя и не систематизированы) достаточные знания, чтобы выработать близкую и понятную людям идеологию *нового типа* – идущую не от абстрактных понятий, а от «абсолютных» категорий реальной жизни. Это – «идеология здравого смысла» с добавкой научного мышления. Но в то же время это идеология «исторического выбора», так что здравый смысл в ней должен быть возвышен до осознания того выбора, перед которым стоит не только Россия, но и все человечество.

Мессианизм советского типа (создание мирового лагеря социализма как «своей» цивилизации) будет заменен духовным участием в судьбе мира: спасти Россию – значит проложить одну из троп к выходу из общего кризиса. Это идеология, сопряженная с большим социальным проектом, но более «хладнокровная», чем общинный коммунизм. Она должна помочь освоить нестабильную реальность и вести дела в «переходные периоды» с необычными и плохо изученными угрозами.

Это идеология, включающая фундаментальные ценности русского культурно-исторического типа, позволяющая восстановить способность к логическому мышлению с опорой на здравый смысл и достоверное знание, а не на фантазии или догмы из учебника, которые в условиях кризиса ничего не объясняют. Она поможет выработать новый язык, адекватно выражающий реальность – взамен навязанного СМИ «рваного» набора ложных понятий, метафор и штампов. Она поможет снять разрушительные мифы, изгнать «идолов общественного сознания», сформулировать главные проблемы, стоящие перед обществом, описать возможные альтернативы их решения и задать критерии выбора тех или иных альтернатив.

Это – общий фон, на котором российское общество должно решить особые проблемы момента. Отсутствие общепринятой идеологии вовсе не означает, что общество и государство могут существовать без ядра *коллективных представлений* о Добре и Зле, о человеке и государстве, об их взаимных правах и обязанностях и т.д. – без всей той системы идей и «универсума символов», которые лишь жестче увязываются и прикрываются пленкой идеологии. Вся эта конструкция в нашем обществе потрясена и полуразрушена. Необходимо провести основательную расчистку, чтобы начать ремонт и новое строительство.

Глава 6. СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА СТРОИТЕЛЬСТВА НОВОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ

Согласие населения (хотя бы пассивное) на отказ от советских хозяйственных систем было получено реформаторами ссылкой на неоспоримый факт существования и воспроизводства в ряде стран *западного образа жизни*. К настоящему моменту этот аргумент утратил силу – построить на нашей земле аналог Запада не удалось и не удастся. Обещание, что при отказе от советских систем фундаментальные показатели качества жизни большинства населения улучшатся, *не сбылось*. 19 лет – достаточный срок, чтобы в этом могло убедиться все население³⁵.

Поэтому растущий эвристический потенциал демонстрирует тот столь же неоспоримый факт, что советские хозяйственные системы существовали и воспроизводились. При этом то же самое (по своему культурному типу) российское население, в тех же самых природных условиях, в тяжелых условиях противостояния с Западом имело в целом более высокий и непрерывно растущий уровень потребления материальных и культурных благ и было лучше защищено от опасностей и источников массовых страданий, чем при нынешнем альтернативном типе жизнеустройства.

Этот эвристический потенциал усиливается тем, что поражение советского строя вовсе не привело к демонтажу всех его несущих конструкций. Прочность их оказалась намного выше теоретически предсказанной. Целый ряд систем советского типа переживут переходный период и останутся в основе нового хозяйственного порядка. Ценность их стала для большинства населения очевидной, и их демонтаж вызывает сопротивление.

³⁵ Л. Эрхард писал в своей книге «Полвека размышлений», исходя из опыта восстановления и развития хозяйства ФРГ на основе концепции *социальной рыночной экономики*: «Рыночная экономика оправдана с хозяйственной и нравственной точек зрения только до тех пор, пока она полнее и лучше, чем какая-либо иная форма экономики, обеспечивает оптимальное удовлетворение потребностей всего народа».

Изучению, пониманию и восстановлению хозяйственных систем советского типа препятствует созданный за последние три десятилетия идеологический барьер, для укрепления которого имелись реальные предпосылки. Эти предпосылки могут быть основательно устранены в ходе разработки нового проекта, а идеологический эффект антисоветизма разрушается самой практикой реформы.

Из этого следует прагматический вывод: выход на траекторию развития с использованием систем советского типа возможен через создание *исторического блока* всех сил, которые согласны на использование таких систем в хозяйстве. Иными словами, от участников такого блока не требуется быть *фундаментально просоветскими* в иных сферах, непосредственно не связанных с хозяйством (например, с идеологией и политическим устройством). Исторически блок сил с разными политическими векторами вполне возможен при взаимном договоре о перемирии по таким вопросам. Реально в России в данный момент это был бы блок той трети общества, которая сегодня тяготеет к «лево-патриотическому» флангу, с третьей общества, состоящей из «демократов», отпавших от проекта Горбачева и Ельцина. Назовем условно такой исторический блок союзом «красных, патриотов и демократов».

Из оставшейся трети населения часть отнесется к проекту нейтрально, а часть будет к нему в оппозиции, которая, однако, не сможет объединиться. Небольшое, но влиятельное меньшинство этой части составят «продолжатели» программы 90-х годов по превращению РФ в зону периферийного капитализма под полным контролем Запада (условно, «неолибералы»). Их союзниками, исходя из чисто прагматических конъюнктурных соображений, будет часть криминализованных предпринимателей и коррумпированных чиновников, которые пока что заинтересованы в затягивании хаоса как среды для получения теневых доходов. Другой отряд оппозиции составят радикальные группы «оранжевого» толка, которые по разным основаниям стремятся дестабилизировать государственный и социальный порядок в стране, исходя из принципа «чем хуже, тем лучше».

Таким образом, молекулярную (и потому без шума, но эффективную) поддержку проекту окажет идеологически рыхлое большинство населения, которое именно в данном случае окажется достаточно консолидированным «ядром» общества. В этом ядре находятся люди здравого смысла, их не удовлетворяет неопределенность и внутренняя противоречивость всех нынешних политических программ.

Из исследований, вызывающих доверие приемлемого для нашей задачи уровня, можно создать следующий, конечно, весьма грубый, образ этой части населения:

– Она не сосредоточена в определенном социальном слое или поколении, но обладает общими культурными основаниями (языком, набором значимых показателей и критериев, типом мышления).

– Она не увлечена *антисоветизмом*, высоко оценивает советский социальный порядок (идеологическая ругань не в счет), однако скептически относится к идее реставрации советского строя, а тем более СССР. В целом, она ощущает, что советский проект представлял нечто очень значительное, но плохо понятое. Это непонимание беспокоит людей этой категории.

– Она уже не верит в либеральную утопию и не является *«прозападной»*. Западнические иллюзии сменились сильным скептицизмом в отношении Запада и его притязаний к России. Она отвергает сословное деление общества, но не тяготеет и к классовому устройству с демократией западного типа.

– Она не является *«антизападной»* и равнодушна к державной российской риторике. Ее патриотизм избегает экзальтации, поэтому патриотическая патетика оппозиции вызывает у нее чувство неудобства. Она поддерживает установки *гражданского* русского национализма, но скептически относится к любым *этнонационализмам*, включая русский.

– Она, в отличие от нынешней оппозиции, осознает или хотя бы чувствует, что политическая борьба сегодня идет в специфических условиях «побежденной» страны. Поэтому она не оказывает актив-

ной поддержки оппозиции, стоящей на «традиционной» платформе (например, КПРФ), считая ее неадекватной реальности.

Могут ли люди, чья культура обладает указанными признаками, быть соединены общей идеологией, или речь идет о множестве несовместимых по отдельным признакам групп как неорганизованных «эшелонов» конфликтующих политических сил? Победит ли тенденция к растаскиванию этого ядра или оно склонно к укреплению через обретение своей программной базы? Ответ в огромной степени зависит от того, какой проект предложит государство как реально единственная в данный момент организующая сила. Проект восстановления советских хозяйственных систем должен оказать сильное объединяющее воздействие именно потому, что будет воспринят как большая *восстановительная* программа на приемлемых для большинства принципах.

На наш взгляд, объединение этой части общества возможно, ибо пронизывающие ее культурные связи сильны и многообразны. На ней держался на последнем этапе советский строй – уже вопреки официальной идеологии КПСС и давлению антисоветизма в конце 80-х годов. Как это ни покажется парадоксальным, на ней же держалась и перестройка – как ее воспринимало общество (пусть и ошибочно). На этом ядре держится и сегодня Россия, хотя, согласно теоретическим расчетам, в нынешних социальных условиях общество уже должно было бы рассыпаться.

Атомизирующее действие политических доктрин, «растягивающих» это ядро, будет преодолено, если возникнет политическая организация (партия, движение) с духовным и социальным проектом, а также типом мышления и языка, отвечающими приведенным выше признакам. Иными словами, дать потенциальному «ядру» самосознание сможет партия или движение, чья идеология не будет ни либеральной, ни марксистской, ни антисоветской, ни «прозападной», ни «ура-патриотической». Можно было бы сказать, что это – «идеология здравого смысла» с добавкой научного мышления. Но здравый смысл должен быть возвышен до осознания того выбора, перед которым стоит не только Россия, но и все челове-

ство. Большие задачи решаются только в том случае, если ставится задача еще более крупная (высшего порядка). Мессианизм советского типа должен быть не отброшен, а заменен духовным участием в судьбе мира: спасти Россию – значит проложить одну из троп к выходу из общего кризиса.

Пока такой партии нет, ее роль выполняет «центристская» часть государственной власти.

Из приведенных выше признаков вытекает, что речь идет о партии с большим социальным проектом, но хладнокровной, способной на разумное и практичное ведение дел в «переходные периоды» с необычными и плохо изученными угрозами.

Прибегая к грубой аналогии, можно сказать, что России сегодня нужен Сунь Ят Сен, предложивший большой проект новой «сборки народа» и нового жизнеустройства для Китая, а не Мао Цзе Дун или Чан Кай Ши, воплотившие в жизнь два разных варианта этого проекта, и даже не Дэн Сяо Пин, чье время у нас упущено – им вполне мог быть Андропов, уже не мог быть Горбачев, совершенно не мог быть Ельцин. Теперь надо выполнять задачу собирания из более сложного положения.

Современная партия, которая привлечет образованную часть общества, сможет восстановить в среде своих сторонников способность к логическому мышлению с опорой на здравый смысл и изучение реальности, а не на фантазии или догмы из учебников, которые в нынешних условиях ничего не объясняют. Такая партия сможет выработать и предложить обществу новый язык, адекватно выражающий реальность – взамен навязанного СМИ «рваного» набора ложных понятий, метафор и штампов. Она сможет снять или хотя бы пошатнуть мифы, внедренные в сознание – сначала «узловые» мифы, а затем всю их систему. Через общественный диалог, последовательно изгоняя «идолов массового сознания», такая партия сможет сформулировать главные проблемы, стоящие перед обществом, описать возможные альтернативы их решения и объяснить причины, по которым партия склоняется к выбору тех или иных альтернатив.

Срочная задача такой партии – соединить в рамках непротиворечивой системы взглядов потрепанную реформой интеллигенцию. Только через низовую интеллигенцию (инженеров и агрономов, врачей и учителей, чиновников и офицеров) в принципе возможно установить восстанавливающий общество диалог в критической массе граждан, способной на обсуждение и поддержку политического проекта.

Российский «средний класс», много передумавший в ходе исканий и заблуждений 70–80-х годов и потрясенный разрушениями последних двадцати лет, созрел и поднялся до того, чтобы на достаточно высоком уровне знания и этики поставить главные вопросы национальной повестки дня и выработать проект, отвечающий реальным условиям и соединяющий идеи справедливости и ответственности с идеей свободы. В России возникло уже множество малых центров кристаллизации такого проекта, задача – помочь им соединиться. Если это удастся, это вновь будет «партия нового типа», столь нужная сегодня в переживающем кризис мире.

Когда на очередном распутье нашего кризиса начнет работать этот новый проект, произойдет «пересборка» существующих партий и движений, и из всех них выделится одно большое движение тех людей, кто примет этот проект. В нем сотрутся усиленные расколом оттенки политических взглядов. Возникнет дееспособная политическая сила, обладающая обоими необходимыми качествами – *устойчивостью и динамичностью*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная идея этой работы – предложить некоторые принципы доктрины восстановления целостного народного хозяйства России, предполагающей «оживление» и модернизацию больших систем, которые были исторически развиты в России соответственно ее природным и культурным условиям.

Это – вариант консервативного проекта восстановления хозяйства, без революционного отказа от тех институтов и форм, которые сложились после 1991 года и показали свою жизнеспособность. Данная работа исходит из предположения, что в России возможен синтез части новых и «обновленных старых» хозяйственных структур, их взаимодействие на началах симбиоза, а не паразитизма. Таким образом, отвергается выдвинутая в начале 90-х годов идея слома старых структур и строительства новых на расчищенной от развалин площадке. Взамен выдвигается принцип надстраивания новых структур на сохранившийся костяк народного хозяйства.

Реализация предлагаемой доктрины возможна только в виде программы, принятой на основании сознательного решения. Ожидать «стихийного» восстановления систем, унаследованных от советского периода, не приходится. Целью данной работы и было обоснование принципиальной возможности совмещения этих систем с рыночными механизмами, с повышением общей эффективности хозяйственной деятельности.

Разумеется, если эта идея будет принята для дальнейшей разработки, для которой найдется достаточно политической воли, то потребуются решить целый ряд конкретных задач по определению методов синтеза и «надстраивания» существенно различных структур. Сейчас изложение возможных подходов и методов было бы преждевременным. Стоит привести лишь пару примеров, показывающих возможность таких подходов и методов.

Первой крупной сферой их применения может стать сельское хозяйство. Как известно, к 1998 г. в результате реформы физический объем продукции сельского хозяйства РФ сократился в два раза (в сопоставимых ценах). Восстановление идет медленно, и в 2007 г. вышли на уровень производства, составляющий 90% от уровня 1980 г. Потери 27 лет, за которые научно-технический прогресс в сельском хозяйстве сделал крупные шаги. Если бы после 1990 г. был сохранен тот же самый темп роста сельскохозяйственного производства, который поддерживался в 1980–1989 годы, то в 2007 г. объем продукции отечественного сельского хозяйства РФ был бы вдвое больше нынешнего. Это было вполне возможно, поскольку в 1989 г. темп роста сельскохозяйственного производства считался неприемлемо низким – настолько, что казалась разумной идея кардинально переделать эту производственную систему, даже посредством ее слома.

Сельское хозяйство – это та сфера экономики, которая почти всегда первой преодолевает затяжной кризис. Причина этого носит фундаментальный и общий характер. Она заключается в том, что основные средства производства сельского хозяйства гораздо более устойчивы к воздействию кризиса, нежели другие сферы хозяйства (промышленность, транспорт и др.). Это, прежде всего, средства производства, данные природой (почва, солнечная энергия, воздух и вода). Хотя и они частично деградируют при простое и плохом уходе (плодородие почвы, системы ирригации), их восстановление требует меньше времени и капиталовложений. Активная составляющая основных фондов сельского хозяйства (машины и оборудование, скот) также восстанавливается с меньшими затратами, чем в промышленности. Меньше здесь и пороговая величина эффективных затрат.

Наконец, в условиях тяжелого кризиса в сельском жизнеустойчивости лучше сохраняется и рабочая сила, особенно в культурологическом отношении (сохранение трудовой мотивации, здравого смысла, навыков производственной самоорганизации и социальной солидарности).

Это мы наблюдали в ходе кризиса 90-х годов в России. С начала реформ прекратился отток сельского населения в города. Даже при глубоком обеднении сельского населения не произошло его пауперизации в тех же масштабах, как в городе. В тяжелых условиях, но большинство продолжало интенсивно трудиться, в том числе вручную, на приусадебных участках. При этом восстановление своего нормального образа жизни большинство опрошенных связывало с возрождением крупных сельскохозяйственных предприятий типа колхозов и совхозов, а не с работой у фермеров.

Реально строительство целостной хозяйственной системы на селе должно опираться на принцип оптимального разнообразия, то есть исходить из очень широкого набора альтернатив, из которого каждая хозяйственная единица могла бы производить отбор и замены, «выращивая» наиболее подходящую для конкретных условий структуру. Высокая экономическая эффективность этой программы возможна потому, что вплоть до настоящего момента речь идет не о создании новых массивных элементов системы, а о создании или восстановлении связей между ними. Таким образом оживляются «омертвленные» во время кризиса бесплатные ресурсы.

Важно подчеркнуть, что самопроизвольно, «снизу» такая программа запущена быть не может – сельское население не обладает для этого достаточным потенциалом самоорганизации. Мало надежд и на то, что частный капитал станет организующим агентом. Единственным в данный момент дееспособным субъектом запуска такой программы может быть лишь государство. Затем на созданную им матрицу могут быть надстроены ресурсы частного капитала.

В промышленности основой для подобной программы могло бы стать восстановление того способа «соединения» ресурсов, который существовал в артельном русском хозяйстве, а затем был развит в советской системе. Приложений этого способа было много, главное – понять суть этого принципа. Выше, в гл. 4, говорилось об одном типе такого соединения – о совмещении на советском промышленном предприятии производства и быта. Здесь

скажем о совмещении на одной производственной базе выпуска гражданской и военной продукции. Это – важная особенность советского ВПК, которая сделала этот комплекс одной из важных институциональных матриц России XX века.

Видный российский эксперт по проблеме военных расходов, бывший заместитель председателя Госкомитета РФ по оборонным вопросам В.В. Шлыков пишет на основании заявлений руководства ЦРУ США: “Только на решение сравнительно узкой задачи – определение реальной величины советских военных расходов и их доли в валовом национальном продукте – США, по оценке американских экспертов, затратили с середины 50-х годов до 1991 года от 5 до 10 млрд. долларов (в ценах 1990 года), в среднем от 200 до 500 млн. долларов в год.

Приведенные выше огромные цифры затрат объясняются тем, что еще полвека назад, когда на ЦРУ была возложена задача вскрытия масштабов расходов СССР на военные цели, оно решило не полагаться на скудную и недостоверную советскую статистику, а разработать свой собственный альтернативный метод подсчета советских военных расходов [программа SCAM]...

В рамках программы SCAM проводились также расчеты ВВП СССР, с тем, чтобы выяснить долю военных расходов в ВВП... Один из руководителей влиятельного Американского Предпринимательского Института Николас Эберштадт заявил на слушаниях в Сенате США 16 июля 1990 года, что “попытка правительства США оценить советскую экономику является, возможно, самым крупным исследовательским проектом из всех, которые когда-либо осуществлялись в социальной области”³⁶.

Из этой истории следует, что советское хозяйство – явление сложное и трудно поддающееся анализу с помощью инструментов западной экономической науки. В советской промышленности мы имели предмет, к которому образованный человек просто обязан

³⁶ В.В. Шлыков. Американская разведка о советских военных расходах. – Военный вестник МФИТ. 2001, № 8.

был подойти с вниманием и осторожностью. Но этого не случилось в 80-е годы, этого нет и сейчас. Отличие советского хозяйства от того, что мы видим сегодня, составляет загадку, которую в интеллигентной среде избегают даже формулировать. Сейчас все, кроме денег, у нас оказалось “лишним” – рабочие руки и даже само население, пашня и удобрения, скот и электрическая энергия, металл и квартиры. Все это или простаивает, или продается за рубеж, или уничтожается. Даже переспелые леса перестали рубить- вывозить лес невыгодно.

В.В. Шлыков дает такое объяснение тому факту, что ЦРУ не могло, даже затратив миллиарды долларов, установить реальную величину советского ВПК: «За пределами внимания американского аналитического сообщества и гигантского арсенала технических средств разведки осталась огромная “мертвая зона”, не увидев и не изучив которую невозможно разобраться в особенностях функционирования советской экономики на различных этапах развития СССР. В этой “мертвой зоне” оказалась уникальная советская система мобилизационной подготовки страны к войне. Эта система, созданная в конце 20-х – начале 30-х годов, оказалась настолько живучей, что её влияние и сейчас сказывается на развитии российской экономики сильнее, чем пресловутая “невидимая рука рынка” Адама Смита.

Чтобы понять эту систему, следует вспомнить, что рожденный в результате первой мировой и гражданской войн Советский Союз был готов с первых дней своего существования платить любую цену за свою военную безопасность... Начавшаяся в конце 20-х годов индустриализация с самых первых шагов осуществлялась таким образом, чтобы вся промышленность, без разделения на гражданскую и военную, была в состоянии перейти к выпуску вооружения по единому мобилизационному плану, тесно сопряженному с графиком мобилизационного развертывания Красной Армии.

В отличие от царской России, опиравшейся при оснащении своей армии преимущественно на специализированные государст-

венные “казенные” заводы, не связанные технологически с находившейся в частной собственности гражданской промышленностью, советское руководство сделало ставку на оснащение Красной Армии таким вооружением (прежде всего авиацией и бронетанковой техникой), производство которого базировалось бы на использовании двойных (дуальных) технологий, пригодных для выпуска как военной, так и гражданской продукции.

Были построены огромные, самые современные для того времени тракторные и автомобильные заводы, а производимые на них тракторы и автомобили конструировались таким образом, чтобы их основные узлы и детали можно было использовать при выпуске танков и авиационной техники. Равным образом химические заводы и предприятия по выпуску удобрений ориентировались с самого начала на производство в случае необходимости взрывчатых и отравляющих веществ... Создание же чисто военных предприятий с резервированием мощностей на случай войны многие специалисты Госплана считали расточительным омертвлением капитала...

Основные усилия советского руководства в эти [30-е] годы направлялись не на развертывание военного производства и ускоренное переоснащение армии на новую технику, а на развитие базовых отраслей экономики (металлургия, топливная промышленность, электроэнергетика и т.д.) как основы развертывания военного производства в случае войны... Именно созданная в 30-х годах система мобилизационной подготовки обеспечила победу СССР в годы второй мировой войны...

После второй мировой войны довоенная мобилизационная система, столь эффективно проявившая себя в годы войны, была воссоздана практически в неизменном виде... Это позволяло правительству при жестко регулируемой заработной плате не только практически бесплатно снабжать население теплом, газом, электричеством, взимать чисто символическую плату на всех видах городского транспорта, но и регулярно, начиная с 1947 г. и вплоть до 1953 г., снижать цены на потребительские товары и реально повышать жизненный

уровень населения. Фактически это свелось к постепенному бесплатному распределению продуктов и товаров первой необходимости, исключая одновременно расточительное потребление в обществе.

Совершенно очевидно, что капитализм с его рыночной экономикой не мог, не отказываясь от своей сущности, создать и поддерживать в мирное время подобную систему мобилизационной готовности».

Придание хозяйственным системам гибкости за счет увеличения разнообразия – отдельная задача, которой здесь не касаемся.

В заключение следует только подчеркнуть, что многие технологически ценные стороны прежних и, казалось бы, хорошо известных систем будет очень трудно или даже невозможно воспроизвести в новых условиях. Культурно-исторические типы являются гораздо более пластичными и изменчивыми, чем мы обычно полагаем. Технология и организация хозяйственной деятельности – часть культуры. Ими владеют и их развивают работники и организаторы соответствующего культурно-исторического типа. Если этот тип ушел в прошлое, подавлен или рассеян социальными условиями, далеко не всегда можно его «оживить» и его неявному знанию научить людей другого типа.

Стаханов и люди его типа, совместившие космическое чувство и «гениальный глаз» средневекового мастера с промышленной коллективной организацией труда, дали важный импульс советскому хозяйству периода его становления в 30–40-е годы. Но редкостные качества работников этого культурного типа ушли в тень при господстве развитого индустриализма 60–70-х годов. Сельская молодежь, оканчивающая школу в настоящее время, похоже, сможет очень эффективно работать в новых кооперативах – если они будут организованы существенно иначе, чем в 40–60-е годы.

Реализация программы «оживления» и модернизации созданных и испытанных в советское время хозяйственных систем требует составления достаточно подробных социокультурных карт российского общества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово	3
Введение	4
Глава 1. Можно ли продолжать строительство хозяйственной системы по проекту «Перестройка – Рынок»?	8
Глава 2. Реформа как попытка изменить «генотип» всех систем хозяйства.....	17
Глава 3. Состояние в точке «Россия-2010». Масштабы изъятий ресурсов за 1991–2009 годы.....	37
Глава 4.1. Что мы унаследовали. Тип советского хозяйства и его больших систем	63
Глава 4.2. Реинтеграция советских систем-матриц в новую хозяйственную систему. Критические условия	74
Глава 5. Ориентиры движения из точки «Россия-2010»	82
Глава 6. Социальная база строительства новой хозяйственной системы.....	103
Заключение.....	109